

Виктор Рэй

ПЕРЕМЕНА МЕСТ

16+

Виктор Рэй
Перемена мест

«Автор»

2018

Рэй В.

Перемена мест / В. Рэй — «Автор», 2018

Кто-то пропал из привычного мира. Кто-то лишился своего прошлого. Кто-то изменил свою жизнь. Завертелись колесики в неведомом механизме, сплетая, смешивая, руша судьбы. И неизвестно, как Эксперимент перетасует колоду судеб, по воле своей смешав фигуры: кому теперь быть ферзем, а чьим уделом останется лишь доля пешки...

© Рэй В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Исчезновение	8
Часть вторая. Дорогой песков	25
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пролог

– Командир, у нас проблемы!

– В чем дело?

– Тоннель все сужается... если в ближайшем будущем я не превращусь в крысу, то рискую где-нибудь тут застрять.

Лейтенант Говард Тайлер, командир отряда, злобно посмотрел на шутника. Особенно его раздражал тот факт, что этот раздолбай был в чем-то прав. Тоннель, по которому они приближались к объекту, становился все уже, и потолок его становился все ниже. Таким образом, им и впрямь грозило в скором времени продолжить путь на карачках.

Он зло сплюнул.

– Ди, если сейчас не заткнешься, то я тебя в крота превращу, – наконец ответил командир.

– Это как? – поинтересовался парень.

– Лопату в зубы и будешь прорываться вперед. Проход расширять. Остряк! Все ясно? Вопросы есть?

– Так точно! Нет, лейтенант, сэр!

Говард подумал, что этот самоуверенный сопляк, совсем недавно попавший к ним в отряд непонятно за какие заслуги, снова над ним издевается. Но решил отложить разъяснительную беседу на потом.

Через полчаса они, наконец, оказались в точке назначения. На последних метрах подземный лаз все-таки настолько «усох», что пришлось ползти практически на пузе, толкая впереди себя амуницию. По-другому не получалось.

По-скорому натянув на себя все, что успели поснимать, пробираясь сквозь дыру, солдаты рассредоточились, осматривая помещение, в котором оказались. Больше всего оно напоминало здоровенный ангар. Причем совершенно пустой.

Складывалось впечатление, что они просто опоздали, и враг уже успел передислоцироваться в другую точку, свернув все производство. Данный факт ставил под вопрос, во-первых, оперативность поступления данных в Штаб от многочисленных агентов, а во-вторых, неподкупность как этих самых агентов, так и их непосредственного начальства.

– Кейси, связь со Штабом, – скомандовал Говард. – Остальным рассредоточиться и все проверить... Есть вероятность, что в спешке они оставили какие-то документы или еще что.

Солдаты мрачно разбрелись по территории, стараясь, тем не менее, не терять бдительности. Никто не озвучил мысль вслух, но было очевидно, что операция провалена. А ведь за этими наркоторговцами уже второй год носилась половина спецслужб земного шара.

– Сэр, – подал голос один из солдат, нечто старательно рассматривавший в центре ангара. – Я тут что-то нашел.

– Что? – ответил Говард. Вряд ли находка могла всерьез им чем-то помочь, но он направился к солдату. Остальные бойцы, прекратив бесполезные поиски, стали стягиваться вслед за ним.

На земле, там, где стоял Хэммонд, оказавшийся самым наблюдательным, лежал некий продолговатый предмет несимметричной формы. Больше всего он напоминал кусок коксового угля, за который и был первоначально принят Говардом.

– Однако, не густо, – откомментировал все Ди, а Говард мысленно обматерил остряка, хотя он вновь в точности угадал мысли лейтенанта. – Что это, уголь? Или какой-то кусок камня?

– Очень смешно, Ди, – ответил ему Хэммонд. – только вот ты не угадал. Это явно шевелиться.

– Что за бред! – теперь и Говард заметил, что камень ритмично дергается, сокращаясь в одном ему ведомом ритме. – И что это?

– Хороший вопрос, – пробормотал себе под нос Ди. – Что-то я не пойму, чего это мы тут откопали. Искусственное сердце из рудной породы? – он посмотрел виновато на командира, сейчас шутки были неуместны, но тот явно не обратил внимания на болтовню своего подчиненного.

– Ладно, – принял, наконец, решение командир. – Забираем эту штуковину с собой – пускай технари разбираются, у них головы большие. Что говорят в Штабе, Кейси?

Кейси Маллоун, радист группы, обернулся на вопрос командира:

– Все нормально. Через двадцать минут будет вертолет.

Настроение у лейтенанта было отвратительным. Что было вовсе неудивительно. Операция провалена. Не факт, что это не отразится на его карьере. Шишки, протирающие задницы в удобных кабинетах, можно сказать с уверенностью, постараются найти крайнего как можно скорее. И есть большая вероятность, что огребать по полной придется кому-то из исполнителей. Скорее всего, лейтенанту.

– Ох, ты ж, мать твою! – наклонившийся к непонятной находке, чтобы упаковать ее в спецконтейнер, солдат, резко отскочил и плюхнулся на задницу.

– Ты чего, Керк? – поинтересовался Ди Кеплер, оглянувшись на крик. Остальные солдаты, расслабленно развалившиеся кто где, заинтересованно уставились на ошалело глядящего по сторонам рядового.

– Мне показалось, эта хрень рванула. Я видел это. Прямо видел, – бормотал себе под нос Керк, поднимаясь с земли.

– И мне тогда отсыпь. Я нежадный, мне немного, – прокомментировал Кеплер под одобрительное ржание остальных.

– Что происходит? – сурово спросил лейтенант, отвернувшись от экрана передающего комплекса, который гипнотизировал, с надеждой ожидая возможных поправок и вводных от командования.

– Ничего, командир, – ответил Кеплер. – Это Керк глюки углядел.

Лейтенант сдвинул брови. Его подчиненные знали, что это было плохим признаком. Оставалось надеяться только на то, что гроза обойдет их стороной, что, учитывая близость эпицентра урагана в лице лейтенанта Тайлера, было маловероятным.

Фуллер, огромный негр в чине сержанта, выделявшийся своими габаритами даже среди остальных отборных командос их группы, с намеком показал кулак Ди Кеплеру. Тот одним взглядом дал понять, что все уяснил, понимает, от дальнейших комментариев воздерживается и вообще будет теперь тише воды, ниже травы, а лучше, вообще забьется в какую-нибудь трещинку. Фуллер раздраженно хмыкнул.

– Смотрите, вон снова! – подал голос Керк. – И опять!

Теперь уже все заметили то, о чем говорил их товарищ.

Черный кусок неведомой породы теперь уже не только пульсировал, но и вспыхивал – по его зеркально-черной поверхности, поднимаясь, словно откуда-то из глубины осколка, пробежали радужные всполохи. Частота вспышек все возрастала, как и скорость биения.

Внезапно вспышки прекратились, а поверхность предмета стала невероятно-черной. Больше в ней ничего не отражалось. Показалось, что в помещении стало темнее, словно свет солнца, проникающий через многочисленные щели конструкции, по непонятным причинам померк.

– Что за черт? – лейтенант судорожно пытался сообразить, что все это значит и какие действия ему надлежит предпринять.

Внезапно яркий сполох белого пламени вырвался из осколка. Никто не успел ничего понять.

Прибывший через десять минут в точку десантный вертолет не нашел никаких следов спецгруппы, которую должен был подобрать. Не было никаких следов боя.

Часть первая. Исчезновение

Является ли человеческое невезение некоей абстрактной величиной? Величиной ли? Как вообще определить, почему кому-то судьбой отмерено громадное количество успехов, коими активно наспигован его жизненный путь. А кому-то – в той же пропорции доводится огребать по полной. По каким критериям происходит отбор?

И вообще, почему именно ему, Даньке, в данный момент так не везет. Не в том смысле, что конкретно в данную минуту, или некий краткий период времени. А вот уже несколько лет. С самого рождения, если быть точнее. Вообще, сам факт его рождения, наверно, опечалил множество народа на всей планете. И почему его не спросили, согласен ли он появиться на свет? Нужно ли ему это. Но кто-то, как зачастую бывает, принял ответственное решение, не подумав ни о последствиях, ни о том, кто потом будет отвечать, и шестнадцать лет назад, в девять часов тридцать семь минут утра по московскому времени Даниил оповестил мир о своем появлении громким надрывным криком. От которого, по воспоминаниям его матери, едва не оглохли принимавшие роды медработники. Отец его, видимо, под глубоким впечатлением от собственного отпрыска, буквально через неделю собрал немногочисленные вещи и навсегда испарился из жизни как его матери, так и собственно Даньки.

Таким образом, воспитание маленького синеглазого мальчонки, еще и не подозревавшего о собственной судьбе, легло на плечи матери и бабушки. Вырос Даня из-за такого фортеля с отсутствием мужской руки в своей судьбе нежным, ласковым, добрым юношей-хлюпиком. Очень романтичным хлюпиком, надо сказать. К тому же, не лишенным таланта, по заверениям близких родственников. Он даже стихи писал.

Казалось бы, ну чего страшного? Многие стараются каким-либо образом самовыражаться. Проблема, по мнению самого Даньки, была в самих стихах. Потому что вот были они никакие. Не было в них, казалось ему, того, что могло бы заставить трепетать чью-либо душу. И если раньше, строча немудренные рифмы от нечего делать, Данька как-то не особо напрягался по этому поводу – самому нравится, да и ладно, – то теперь сей факт очень сильно действовал ему на нервы.

Причиной смятения служила недавно переведенная к ним в класс девчонка с ярко-зелеными глазами, огненно-рыжими волосами, безупречно белой кожей, озорным курносым носом и... и...

...и вообще она была замечательной, самой лучшей, в глазах ее можно было утонуть, Данька был в этом уверен вот уже почти целую неделю. Она ему снилась...

Эх, да! Еще она носила странное имя Стелла и была совершенно равнодушна к своему тихому поклоннику. Как, в принципе, и ко всем остальным парням, которые, в отличие от Даньки, не постеснялись попробовать подкатить к ней сразу же по ее появлении. И таких набралось довольно приличное количество. Из-за этого некоторые ухажеры даже поцапались на некоторое время со своими постоянными пассиями, но, благодаря полнейшему игнору со стороны рыжеволосой красавицы с холодным именем, постепенно все в школе устаканилось. Только поползли нехорошие слухи, по-разному трактовавшие столь холодное отношение к потенциальным кавалерами со стороны новоявленной дивы.

Версии расходились.

Кто-то приписывал девушке постоянную связь с неким молодым человеком несколько более старшего возраста (причем в разных вариантах возраст кавалера колебался от двадцати до пятидесяти лет!). Некоторые укоренились в мысли о не совсем традиционной ориентации данного экземпляра женского пола. А были некоторые индивиды, уверовавшие в теорию о неразделенной любви. Так или иначе, сама по себе фигура школьницы, появившейся в классе Даньки за полтора месяца до выпускных экзаменов, просто не могла не привлечь некоторое

нездоровое внимание. Был ли столь поспешный перевод связан с работой родителей, поведением самой Стеллы или с какими-то иными причинами, оставалось под вопросом. Который, надо сказать, тоже весьма интересовал народонаселение школьных корпусов.

Но совершенно не трогал Даниила. Стелла покорила его с первого взгляда, с первого восторженного астматического выдоха, вылетевшего при виде этой девушки из тощей груди парня. А эти задорные искорки, вспыхивающие на самом дне ее глубоких глаз...

Возможно, он слишком прицепился к этой навязчивой идее, но подростковая влюбленность вообще носит всегда форму несколько болезненную. Поэтому любой специалист не углядел бы в навязчивой идее молодого человека покориť сердце понравившейся девушки с помощью рифм и жара собственной пламенной души ничего предосудительного.

– Ах, эти искры в волосах, – бормотал он, терзая пальцами ручку, сидя над исчерканным листочком с никак не выходящим стихотворением. – Почему в волосах? Они что, загореться должны? А как тогда написать про глаза? В очах ее... тьфу! Е-мое! Не то... Совсем не то.

В дверь просунулась мама, озабоченная бормотанием, доносившимся из комнаты сына:

– Все в порядке? – в голосе ее звучала нешуточная тревога.

– А? – Данька обернулся, не сразу нашел растерянным взглядом стройную небольшую фигурку матери. – Да, мам, все нормально!

Увидев состояние своего мальчика, мама сначала испугалась, но потом, внимательно изучив лицо сына, с пониманием успокоилась и закрыла дверь.

А Даня повернулся к столу, попутно ударившись коленом о выдвинутый ящик, чертыхнулся и принялся дальше с упоением лохматить собственную шевелюру.

«И с чего, интересно, я решил, что обязательно должны быть искорки в глазах. Но что-то ж там было... Не могло мне показаться. Какие глубокие глаза! Какие... – мысли вдруг замерли, натолкнувшись на внезапную догадку. – Точно! У нее не было никакой смешинки во взгляде. Это показалось. Свет так падал. Точно...»

Данька глубоко задумался, собрав брови на переносице.

А что ж тогда было? От этой мысли его отвлек непонятный стук, раздавшийся со стороны окна. Он встал. Стук повторился, явственно звякнуло стекло. Ясно, снова Леха приперся к Каринке и бросает ей камушки в окно. Раньше он пользовался телефоном, но после того, как фривольно пообщался с матерью девушки, приняв ее за подругу и высказав опасения относительно беременности... Ох, что тогда было! Любо-дорого вспомнить. Кое-как разобрались, но с той поры Лешка предпочитал использовать в качестве средства вызова на свиданку более примитивные средства.

От этих воспоминаний Данькин рот растянулся до ушей. Он ничуть не злорадствовал, но сами разборки, которые тогда учинили Каринкины родители, были весьма забавны. Тогда весь их двор неплохо развлекся, слушая как взрослые люди переругиваются друг с другом из окон (выходить, очевидно, поленились!).

Даня опустил на стул, отложив, наконец, ручку, которую только чудом умудрился не сломать, терзая в глубокой задумчивости своими пальцами.

– У нее грустные глаза, – сказал он сам себе. И опустил голову. Надо же, как он сразу не понял. Это прозрение болью отразилось в каждой клеточке его существа, острой занозой застряв в сердце. Он буквально физически ощутил ее жуткие страдания!

Но по какой причине? Почему эта девушка не... А ведь точно! Он никогда не видел, чтобы она улыбалась. Ни единого раза за всю неделю. Может, времени просто немного прошло. Или это снова какие-то тараканы в его голове решили напомнить о своем существовании внезапным шевелением. Сложно сказать. Даниила не знал ответа. Может кто-то другой мог бы подсказать. Проще всего, разумеется, было спросить у самой Стеллы, но на такой шаг он никогда бы не решился. От одной только мысли его бросило в жар, а ладони резко вспотели.

Да еще это напряжение там. Что ни говори, а в шестнадцать нереально грезить лишь о платонической любви.

Данька мотнул головой, старательно отгоняя от себя эти похотливые мыслишки. Взгляд его упал на зеркало. Изучив свое отражение в разных ракурсах, понапрягав места, где в теории должны находиться мышцы, он расстроено вновь опустил на стул и с прискорбием махнул рукой. Без толку. Один черт, ему ничего не светит. Вряд ли во всем городе найдется хоть одна девчонка, которая обратит на него внимание. Пусть даже стихи у него, наконец, начнут получаться. Все одно! С таким хилым телосложением ему ничего не светит.

Конечно, не стоит принимать упоминание о том, что Данька был хлюпиком, чем-то большим, чем просто уничтожением собственной личности Даниилом в собственных же глазах. Он просто был сухощавым молодым парнем, физически вполне здоровым. Просто по какой-то причине в его организме мускулатура по-прежнему оставалась в зачаточном состоянии. Врачи, например, списывали это на несколько запоздалое развитие. Даже улыбались, говоря, что раньше, в прежние времена, подобное телосложение в его возрасте было абсолютно нормальным. Что просто, мол, акселерация в наши дни и что он еще свое возьмет.

Даня не знал, когда именно были эти «прежние времена», но выглядеть сопляком по сравнению со своими сверстниками ему совершенно не улыбалось.

Внезапно он замер. Словно молния поразила его в этот момент. Данька схватил со стола ручку и принялся записывать.

Оно рождалось...

Что-то просилось на волю. И это было уже лучше, чем все остальное, что он только мог раньше представить. Словно, кто-то сверху делился с ним рифмой.

– Что это? – Стелла вскочила прямо посреди урока.

Сергей Павлович, немолодой учитель истории, оторвал руку с зажатым кусочком мела от доски, где записывал даты, и удивленно посмотрел на девушку поверх очков:

– Что конкретно вас интересует? Если то, что на доске, то это... – договорить он не успел.

У девушки из глаз брызнули слезы. Она закрыла лицо ладонями, а на пол медленно спланировал небольшой исписанный листок. Именно он, судя по всему, послужил причиной столь странного поведения девушки. Учитель подошел к Стелле и, наклонившись, поднял листок.

– Интересно, очень интересно, – пробормотал он себе под нос. После чего поднял руку с листком вверх, словно это был не клочок бумаги, а какой-то революционный транспарант. – Чье это?

У Дани сжалось сердце, Когда он понял, что именно за записка привела в такое состояние его возлюбленную. Когда учитель начал вслух зачитывать содержание записки, Данька обреченно лег на парту и обхватил голову, закрыв уши. Он знал, что там написано.

Дождь падает только вниз,
Не вернуться воде на небо.
В глубоких озерах под сводом ресниц
Отраженья миров, где я не был.

На холодной постели седых облаков,
Повинуясь велению сердца,
Засыпал много раз в ожидании снов,
Со смешною надеждой согреться.

Заглянувши за грань, что за миром живых,
Оступившись на вечной дороге,

Торопился я ввысь, позабывши на миг,
Что остался один среди многих.

По лазурным лугам поднебесных высот
Улетал за пределы сознания.
И в бесцветные россыпи сказанных слов
Побросал все былые признанья.

Наплевав на рассвет, позабыв красоту,
Отрешившись от смертной угрозы,
Мы уносимся в ночь, за предела черту,
За которой живут наши грезы.

Именно эти строки пришли внезапно ему вчера в голову. И Данька старательно их записал. А сегодня, дурья башка, передал анонимно Стелле. И теперь, выходило, что сделал он это совершенно напрасно. Он совсем не понимал причину подобной реакции на его творчество. Как бы там ни было, это стихотворение было далеко не самым ужасным в его коллекции. Были там перлы и похуже. Но поведение девушки в рамки восторженного никак не вписывалось.

Когда Сергей Павлович дочитал и повторил вопрос об авторстве, Данила понял, что пропал. И точно, тут же услышал голос Димки Дорофеева:

– Да это ж Данька, наверняка, написал. Он у нас один рифмоплет в классе.

Данька ожидал злобного хохота, но, не услышав ничего, робко выглянул из своей «скорлупки», неуверенно раздвинув руки. Озноб пробил. И это было неудивительно. В одиночестве оказаться в центре внимания было несколько непривычно для тихони. Даня не привык к такому ажиотажу вокруг собственной персоны. Но самое странное, что никто и не думал над ним смеяться. В полнейшей тишине, даже Стелла перестала всхлипывать, на него смотрел весь класс. И он впервые заметил в этих взглядах некий интерес. Изгоем он и так никогда не был, но теперь в нем явно нашли нечто новое. Особенно, казалось, женская половина. А Мишка Карпов даже показал одобрительно из-под стола большой палец, что было уж совсем для Даньки неожиданно – от этого-то амбала!

Только Стелла по-прежнему не отрывала ладоней от лица, а плечи ее все еще вздрагивали. Потом она медленно опустила руки, повернулась, резко вскочила на ноги и, подойдя к Даниле, с размаху залепила ему звонкую пощечину. Паренек рухнул под парту.

– Понятия не имею, как ты узнал и почему решил таким образом пошутить, – негромко прозвучал ее голос. – Но это подло.

Она забрала сумочку, которая заменяла ей неженственный школьный рюкзак, который носил, например, тот же Даня, и вышла из класса. Сергей Павлович даже не попробовал ее остановить.

А Данька с тоской в груди понял, что его смелая попытка провалилась по неизвестным причинам. Он подтянул колени к груди, обхватил их руками и так затих. Никто его не тронул.

В классе повисла опустошающая тишина.

Домой Данька шел совершенно потерянный. В голове нестройными толпами роились разрозненные мысли, но ни за одну он так и не успевал ухватиться, чтобы хоть как-то успокоиться. Сегодняшнее происшествие окончательно выбило его из колеи, в очередной раз убедив, что полоса невезения у него кончатся не собирается.

Перед его мысленным взором неистребимо стоял образ девушки с заплаканными зелеными глазами. Самым паршивым было то, что причиной этих слез послужили его действия.

Хотя он сам, хоть убейте, не имел ни малейшего представления о том, по какой причине она так отреагировала.

Он долго проторчал в парке, который располагался недалеко от школьного двора. Сидел на лавочке, опустив голову, и смотрел себе под ноги. Данька не смог бы с уверенностью сказать, сколько времени он там провел.

Вечерело, тени озаренных закатным солнцем деревьев ложились под ноги, неестественно длинные, мрачные, столь черные, что в них, казалось, можно было утонуть. Запад озарен багрянцем, словно там, за горизонтом, земля раскололась и огненная лава вырвалась на поверхность, озаряя сполохами низкие облака, – такого насыщенного цвета у неба Даня раньше не видел. Возможно, просто никогда не обращал внимания. Пожалел, что не художник, не сумеет перенести эту пугающую чем-то красоту на бумагу. А подходящих слов подобрать просто не сумел бы.

Да и стоило ли?

Он развернул скомканный листок, перечитал. Похоже, пора выкинуть из головы все эти глупости. В конце концов, он никогда всерьез и не увлекался творчеством. И еще он где-то читал, что большинство юношей в его возрасте увлекаются стихосложением. Там даже какое-то объяснение было этому. Какое только, вспомнить у Даньки не получалось. Значит, не стоит и голову забивать! Ни стихами, ни этой глупой любовью. Если это только она, та самая, а не просто чувственное обострение на фоне гормонального дисбаланса.

Да что ж за ересь лезет в голову!

Парень вытащил мобильный телефон и посмотрел время. Седьмой час. Пора, пожалуй, и домой. А то со всеми этими переживаниями как-то забыл о том, что сегодня последний раз ел с утра. Обеды в школу он никогда не носил, потому что стеснялся есть при людях. Ничего особенного – просто вот не нравилось ему, когда на него смотрят во время поглощения пищи. Кусок в горло не лез.

Даниил еще раз осмотрелся, отметил про себя, что темнеет сегодня как-то больно рано для конца апреля. Списав сей факт на то, что природа сама лучше знает, как ей поступать, он направился домой. Идти было недалеко, спешить было особо некуда. Мать должна была вернуться только через час, а одному торчать в пустой квартире Даньке тоже не шибко улыбалось.

Медленным шагом, старательно гоня от себя всяческие неприятные мысли, Данила добрался, наконец, до дома. При этом он умудрился растянуть десятиминутный путь практически на полтора часа. Как ни странно, матери все еще не было. Видимо, сегодня задержали на работе – периодически такое случалось. Не слишком часто, но все-таки бывало. Поэтому сильного удивления Даниил не испытал.

Есть, почему-то, совсем расхотелось. Решил подождать мать.

Уселся в кресло, полистал недочитанный фантастический роман, не вникая в прочитанное. Никак не удавалось сосредоточиться и чем-нибудь себя занять. Было не скучно. Было просто пусто и совершенно ничего не хотелось. Ни делать, ни вообще.

За компьютер Данька садиться тоже не стал. Ни играть, ни лазить в Интернете, ни готовить домашнее задание – он не мог себя заставить что-либо делать.

Тогда он махнул на все рукой и попытался подремать.

Ничего не вышло.

Стелла! Ну почему ты плакала?

– Почему ты плакала? – повторил он вслух, обращаясь непонятно к кому. – Если бы я знал, что доставлю этим тебе боль... Как оскорблю твои чувства... Я бы никогда, ни за что...

Данька продолжал бормотать себе под нос, разговаривать с кем-то бесплотным, с самой пустотой квартиры, обращаясь, между тем, к хранимому в сознании светлому образу. Надо сказать, он нашел весьма благодарного слушателя. Он строил гипотезы поведения Стеллы и

тут же сам их рушил. Постепенно так запутался, что замолчал и абсолютно дикими глазами уставился за окно.

Было уже темно.

Матери по-прежнему не было. В комнате висела полнейшая тишина. Только тикали на стене часы.

Данька открыл окно. В комнату повеяло прохладой весеннего вечера. И сыростью. Даня удивился: с чего бы это, дождя вроде на сегодня не обещали?

За окном стелился туман, густой пеленой укутав весь двор так, что даже свет ближайшего фонаря едва пробивался, оставляя от себя лишь размазанное пятно.

Прозвонил телефон в прихожей. Мальчик снял трубку.

Звонил Семен Трофимов, единственный более-менее близкий приятель Даньки. Он был болен и сидел сейчас дома, а потому уточнил домашнее задание и попросил занести тетрадь по истории, чтобы переписать конспект. Сергей Павлович давал много материала, большинство из его лекций намного превосходили тот объем, что был приведен в учебнике. И чтобы сдать ему, пришлось бы серьезно подготовиться. А Трофимов как раз собирался одним из экзаменов выбрать историю.

– Хорошо, минут через пять буду, – закончил Даня и повесил трубку.

Уже когда он спускался вниз по лестнице, ему в голову пришло, что вообще-то странно, что Семен позвонил ему на домашний, а не воспользовался сотовым номером. Но эта мысль быстро покинула его сознание.

Парень вышел из подъезда и всмотрелся в пелену тумана.

– Да, в такой густоте я еще не бывал, – улыбнулся он.

Казалось, что туман настолько плотен, что его можно просто потрогать вытянутой рукой. Где-то в груди у Даньки проснулось некое чувство озорного восторга, забытое с детских времен. И он шагнул вперед.

Туман поглотил фигуру молодого человека.

– Объясни ты, наконец, что случилось? – Даша погладила вздрагивающее плечо подруги.

Стелла зарылась в подушку и вовсе не собиралась, похоже, оттуда выбираться. Ей и там было вполне уютно.

Но Дашка не желала сдаваться. Потому что сцена, свидетелем которой она сегодня стала днем, наряду со всем одиннадцатым «В», была крайне таинственной. И тем интересней было докопаться до причин такого поведения подруги.

– Стеллочка, ну прекрати! Бедненькая! Ну не надо так надрывать, – Даша гладила плечо подруги и морщила хорошенький носик – ей не терпелось узнать истину. – Ну, поделись со мной. Мы же подруги. А...

Стелла перестала всхлипывать и трястись.

«Ага, – подумала Даша. – Осталось немного, и бастионы падут. Главное не сдаваться. Мы не мытьем, так катаньем...»

– Ну, скажи, тебе же легче станет, – продолжила она уговоры.

Нельзя сказать, что она не беспокоилась за подругу. Она прекрасно понимала, что, наверное, уместнее было бы оставить девушку в покое. Но тут выиграло обычное девичье любопытство.

Стелла была совсем недавно к ним переведена. Не прошло еще и двух недель. И с самого момента своего появления в классе вызывала нездоровый интерес у всех учащихся. Что не говори, а до конца учебного года и выпускных экзаменов оставалось всего ничего, и какими были мотивы ее родителей, чтобы перевести девушку в такой момент, оставалось загадкой. Спросить их самих не представлялось возможным ввиду их нахождения за территорией

страны. Где именно за рубежом они находились, Стелла по каким-то причинам так Даше и не сказала, но что родители (или, в крайнем случае, родитель) есть, как-то упоминала.

Благодаря легкому живому характеру, кареглазая болтушка Даша умела находить подход к разным людям. И Стелла не стала исключением. Буквально на следующий день после появления в классе к Стелле подошла Дашка и предложила дружбу. Ожидаемого отказа не получила. И с той поры они сидели вместе. Но новая подружка во многом представлялась Даше странной: немногословной, скрытной, словно в ее жизни что-то произошло, с чем она кое-как сумела смириться, но никуда не денешь уже тоску, что осталась на дне ее глаз на долгое время.

Размышляя в таком ключе, Даша не прекращала уговоров, и вскоре Стелла оторвала заплаканное лицо от подушки. Некоторое время она молча смотрела на лицо подруги красными от слез глазами. Затем негромко произнесла.

– Это стихотворение, – она прервалась, чтобы набрать воздуха в грудь – ее все еще слегка трясло, – всхлипнула и продолжила, – его написал один человек. Он был очень дорог мне. Наверное, я его на самом деле любила. Он... Он погиб.

– Как? – спросила Дашка, но ответа так и не получила.

– Как он узнал? – всхлипнула Стелла и вновь уткнулась в подушку.

Похоже было, что этот очень сжатый рассказ забрал у девушки последние силы и больше сдерживаться она не могла.

Дашка горестно вздохнула. Версия о несчастной любви подтвердилась, но яснее от этого общая картина не стала. Данька Стогов вовсе не был, насколько она могла судить за десять лет совместного обучения, человеком, способным на подобное издевательство. Проще всего спросить его самого.

Людмила Васильевна спешила домой. Сегодня ей пришлось сильно задержаться. Требовалось срочно завершить квартальный отчет, а главный бухгалтер внезапно слег в больницу. Поэтому Людмиле Стоговой, как его заместителю, пришлось взять эту работу на себя. Хорошо еще, что главбух был человеком опытным, учет ввел строго, а потому ей не пришлось долго искать концы в море различных записей, характерных для компаний с серой бухгалтерией.

Она собиралась предупредить сына, но, как назло, ей элементарно не хватило времени, а когда она все-таки освободилась, его телефон не отвечал. Наверное, Данька уже лег спать.

Подумав о сыне, Людмила ласково улыбнулась. Он был ее единственным ребенком, ее солнышком. Всем, что осталось от человека, которого она любила, единственного за всю свою жизнь. Больше ни одному мужчине не удалось подобрать ключик к ее сердцу. Наверное, вопрос был не в «качестве» кандидатов, а в том, что других, подобных ее возлюбленному, просто нет на свете.

Он внезапно появился в ее жизни. Они вместе провели два года. Два прекрасных, волшебных года. Она называла его Кириллом, хотя, откровенно говоря, не была уверена в том, что это имя настоящее. И не имела ни малейшего представления о том, чем он занимается. Она просто была счастлива рядом с этим человеком.

А сразу после рождения сына он внезапно исчез, не оставив даже записки. Вместо объяснений от него остался довольно солидный счет в западном банке. Этими деньгами Людмила практически не пользовалась, справедливо полагая, что они еще пригодятся, чтобы поставить на ноги ребенка, а в остальном ей вполне хватало собственного дохода. Сообщить о накоплениях, оставшихся от пропавшего отца, Даниле она собиралась по достижении им совершеннолетия.

По дороге Люда заскочила в магазин, прикупила продуктов. Когда она подходила к дому, внезапно вечернюю мглу невероятно быстро заполнило белесое марево. Не сразу женщина поняла, что это туман, настолько он был плотным и словно осязаемым. Уже в двух шагах практически ничего не было видно, поэтому пришлось замедлить шаг из-за опасений споткнуться.

Как бы она не спешила домой, а упасть в какой-нибудь открытый канализационный люк ей совершенно не хотелось.

Туман рассеялся так же быстро, как и появился. Просто растворился, оставив после себя только разлитый в ночном воздухе запах сырости.

Уже недалеко от дома Людмила хотела набрать номер Дани, чтобы он помог ей поднять сумки, но снова никто не ответил. Она решила, что не стоит его беспокоить, раз он уже спит, и отключилась.

Она потом и сама не могла себе объяснить, почему у нее в голове родилась именно такая версия относительно молчания его трубки, но в пользу этого говорил тот факт, что окна в квартире на четвертом этаже панельной пятиэтажки не горели. А уйти куда-то далеко Данька не мог. Он был типичным домоседом, изредка выбиравшимся куда-то погулять с теми из ребят, кого мог бы назвать своими друзьями. Каких-то хлопот в плане поведения он не доставлял матери абсолютно. И с успеваемостью в школе у него было неплохо. А еще Даня писал замечательные стихи. Только почему-то считал, что они у него не получаются, потому и стеснялся кому-либо показывать. Сама мать лишь случайно узнала об увлечении сына.

Поднимаясь по лестнице, Людмила думала о том, как хорошо, что завтра у нее выходной, что ей не придется с утра торопиться на работу, и она сможет наконец-то приготовить что-нибудь вкусненькое, чтобы побаловать своего малыша. В последнее время из-за большого объема работы она мало времени уделяла своему сыну. А ведь он был самым дорогим и лучшим в ее жизни подарком.

Зайдя домой, женщина, стараясь как можно меньше шуметь, прошла на кухню, разложила продукты в холодильнике. Переодевшись в домашнее, она посмотрела на часы: полдесятого.

В прихожей зазвонил телефон.

– Алло.

– Теть Люда, здравствуйте, – ответила трубка. – Это Семен. Извините, а Даня дома?

– Да, но он уже спит, а что ты хотел?

– А, понятно, – грустно вздохнули в трубке. – Я просто приболел, хотел у него тетрадки взять, переписать. Я тогда завтра с утра зайду.

– Хорошо.

Повесив трубку, Людмила подошла к двери в комнату сына. Оттуда не доносилось ни звука. Значит, звонок не разбудил Даньку.

Потом она заглянула в комнату к сыну.

Даньки не было.

Это было странным для ее сына. Наверное, недаром она обратила внимание на его состояние вчера вечером. Кажется, ее сынок влюбился. И теперь где-то носится.

Хорошо быть молодым, с улыбкой подумала Людмила и ушла к себе. Она знала, что Даня умный мальчик. Что он скоро вернется, не заставляя мать волноваться. Но все-таки решила позвонить.

Трубку по-прежнему никто не поднимал. Повторив попытки несколько раз через разные промежутки времени, Людмила не на шутку разволновалась, словно что-то предчувствуя.

Спокойно сидеть на месте, зная, что сын ее куда-то запропастился, она не могла. Надеясь в душе, что ничего страшного еще не произошло, она, стараясь хоть как-то унять тревогу, металась по комнате, словно в клетке. Затем, понимая необходимость каких-либо действий, спустилась на улицу.

Она продолжала непрерывно набирать номер сына. Трубку по-прежнему никто не поднимал. У женщины оставалась робкая надежда, что Данила просто где-то потерял телефон. Она прекрасно понимала полную беспомощность этого оправдания, но поделать с собой ничего не могла. Поверить, что с ее сыном что-то случилось, было просто выше ее сил.

Людмиле показалось, что она сходит с ума, когда недалеко от дома она услышала мелодию. Это звонил телефон Дани. Она довольно быстро нашла пластиковую коробочку, трезво-нившую в ночной тишине. Но никаких следов сына обнаружить не сумела.

Может быть, все-таки потерял? Просто потерял! Ведь он такой растяпа.

Она силой гнала от себя любые подозрения, что это просто самообман. Она не решалась ни к кому обратиться. Потому что знала, что пока еще у нее остается надежда, но если она обратиться в полицию или даже просто с кем-то поделится своей бедой, то неминуемо накличет беду большую. Это глупое желание – спрятаться за ширмой от неприятностей – было порождено диким отчаянием потерявшей ребенка матери.

Прижимая телефон сына к груди, Людмила вернулась домой, села в кресло, стоявшее в зале у окна, и принялась ждать Даньку.

У нее еще оставалась робкая надежда. Она еще верила, что Даня непременно появится. Нужно только чуть-чуть потерпеть, и все ее внезапные страхи растворятся без следа. Но все равно, нужно наказать негодника, чтобы не пугал больше так свою мать.

Этой ночью сын так и не вернулся домой.

Стелла успокоилась и уснула. Дашка не стала ее будить, просто предупредила родителей, что подружка останется у нее на ночь, а сама принялась в одиночестве обдумывать дневное происшествие. Немногословное признание рыжеволосой подружки только прибавило пикантности сложившейся ситуации, но ничуть не прояснило ее. Больше вытянуть из нее еще хоть какую-нибудь информацию о таинственном погибшем возлюбленном категорически не представлялось возможным. Девушка просто впадала в ступор. Дашка была вынуждена в конечном итоге оставить ее в покое – наблюдать за мучениями подружки у нее не было ни сил, ни желания.

Она раньше слышала, что Стогов балуется рифмоплетством, но особого внимания к персоне тихого скромного мальчишки, сидевшего на последней парте, никогда не уделяла. Данька всегда был тихоней и положительно не отличался колоритностью, ничем не выделяясь среди остальных ребят. Но, как говорится, в тихом омуте черти водятся. Причастность к некоей тайне резко подняла в глазах Даши его значимость и уникальность.

Довольно интригующий поворот. Сидеть просто так не было никакого желания. Хотелось все разузнать. Простейшим вариантом было позвонить самому виновнику случившегося казуса.

Пока девушка искала и набирала номер, в голове ее чехардой носились различные мысли, носившие, с одной стороны, восторженный, с другой – завистливый характер. И это неудивительно. Внезапно оказалось, что этот скромняга способен даже в открытую посвятить девушке стихи. Хотя, надо сказать, и вправду весьма странные. Не о любви вроде бы, вообще непонятно, про что.

Интересно, а по какой причине он вообще решил прислать ей именно это стихотворение. Ничего получше не было? В смысле, более подходящего.

Трубку никто не поднимал.

Наверное, Данька уже спит, подумала Дашка, ох уж этот маменькин сынок. Ну, ничего. Можно будет завтра созвониться. Или даже зайти. Только бы вспомнить его адрес.

– Спрошу завтра у Семена, – решила Дашка.

Решение завтра же с утра нагрянуть с допросом домой к Даньке было принято окончательно и обжалованию уже не подлежало. Оставалось только дотерпеть.

Утром Стелла ушла к себе, а Дашка, уточнив адрес Стогова у Семена Трофимова, отправилась за разъяснениями. Ее просто жгло от нетерпения. Любопытство распирало изнутри так, что ей хотелось бежать вприпрыжку. Но делать этого на каблуках она разумно не стала.

Даша позвонила в дверь. Долго никто не открывал, а потом дверь внезапно распахнулась. Похоже, что она была не заперта. На пороге стояла Людмила Васильевна и испуганно-удивленно смотрела на девушку красными от слез глазами.

– Где Даня? – спросила женщина, и Даша опешила. Она никак не ожидала такого вопроса. – Вы знаете, где сейчас Даня?

Женщина смотрела на нее с такой надеждой, словно только гостя могла дать ответ на всю ночь мучивший женщину вопрос.

– Я вас не понимаю, – робко ответила Даша. – Я думала, он дома.

– Нет, он не ночевал...

– Так.

Дашка самым наглым образом протиснулась в квартиру, оттерев плечом застывшую извращением женщину. Людмила Васильевна на автомате затворила дверь и, двигаясь, словно сомнамбула, проследовала за девушкой в комнату.

В понедельник вся школа бурлила, с интересом обсуждала новые подробности пятничного скандала.

И не только школа. Весь городок охватила волна родительского беспокойства. И не удивительно: для небольшого городишки, с населением, не превышающим пятьдесят тысяч жителей, подобное происшествие никак не вписывалось в рамки устоявшегося спокойного существования.

Конечно, происходили разного рода криминальные эпизоды различной степени тяжести, но ничего связанного с пропажей или похищением детей никогда не свершалось. Население ни с чем подобным просто не сталкивалось. Были кражи, грабежи, разбои, убийства, но никто бы и не сумел припомнить, бывали ли когда-либо случаи исчезновения детей.

Разумеется, большинство интересующихся склонялась к тому, что причиной всему послужили неприятности на личном фронте у молодого человека, что, в принципе, довольно характерно для возрастного периода детей старших лет школьного обучения, и мальчишка сам, по собственной инициативе, что-то с собой сотворил.

Кто-то из старожил даже вспоминал по этому поводу историю, произошедшую еще при застое. Тогда один молодой человек решил свести счеты с жизнью из-за чувств, посчитавши их неразделенными. Только вот в том случае несчастной жертве было двадцать семь, а не шестнадцать. Любовь его если и была безответной, то, возможно, причиной тому послужил тот факт, что сама возлюбленная жила за океаном, была знаменитой актрисой, и ни разу не слышала о своем поклоннике, в то время как ее фотокарточку он хранил под подушкой. Да и акт суицида тот деятель совершал с большого перепоя, в результате чего просто уснул на мосту, с которого отважно готовился, судя по найденной с ним рядом записке, сигануть в «бурлящие воды» местной речки-воючки. Хотя, учитывая высоту моста над уровнем воды в полтора метра и глубину русла в половину, в любом случае у давешнего героя вряд ли что-то получилось бы. Но в дурку его все-таки отправили. И, заключали старожилы, совершенно верно поступили.

Естественно, что эти досужие размышления никаким боком не способствовали спокойствию матери, выплакавшей все глаза за последние дни.

Зато своим исчезновением Данька однозначно добился того, о чем не мог бы даже и мечтать. Он явно не представлял себе, что таким способом сумеет завоевать огромную популярность в одном отдельно взятом городе. А уж в его родной школе никаких других разговоров просто и представить себе было невозможно в эти дни, кроме как о нем.

Пропажа парня послужила причиной роста ажиотажа и вокруг еще одной фигуры. Стеллу даже вызывали в полицию, как возможного виновника случившегося. А люди вокруг, уже посвященные в подробности пятничного переполоха, не скрывали своего любопытства по отношению к девушке. Ей, пожалуй, стоило быть благодарной, что все происходит не в сред-

невековой Европе. Иначе, учитывая цвет ее волос, а также таинственные стороны дела, Стелле вполне могло бы угрожать незамедлительное аутодафе, что, надо думать, вряд ли бы ее устроило.

Сложившаяся ситуация ее тоже совершенно не устраивала, поскольку она с самого момента своего появления вовсе не старалась привлекать к своей персоне чье-либо пристальное внимание. А уж тем более, если этим «кем-то» являлись сотрудники полиции и журналисты.

Дашка тоже доставляла определенные хлопоты, буквально не давая прохода подруге своими расспросами. Похоже, девчонка возомнила себя Пинкертоном, идущим по следу преступника. Для нее это, очевидно, было просто забавой. Но немало злило Стеллу. Она не для того переехала в этот захолустный городок, оставив отца разгребаться с многочисленными проблемами, берущими свое начало с момента смерти матери. Ей нужен был покой после всего произошедшего.

А покоя не было.

Стеллу не на шутку волновал вопрос, что случилось с тем мальчиком, который так некстати пошутил над ней. Кстати, после общения с Дашкой и другими одноклассниками она уже не была столь уверена в том, что Данила решил над ней поиздеваться, по крайней мере, по собственной воле – не того рода был человек. Возможно, он откуда-то что-то узнал о ее прошлом. Интересно только, кто же ему нашептал об этом. Несмотря на достаточно юный возраст, в случайности Стелла больше не верила.

Было темно и сыро. Откуда-то сверху, судя по звукам, капала вода. Этот ритмичный звук и разбудил его. Свет не проникал в помещение, но эхо от падения капель давало представление об его объеме: каморка была небольшой. Напоминала изолятор.

Он не понимал, где он, почему находится здесь. Он не помнил, сколько времени провел здесь. И не знал собственного имени.

Слабость брала верх. Хотелось спать. Он не стал противиться. Просто смежил веки и мгновенно провалился в темноту беспомощности.

Неизвестно, сколько он провалился без сознания, но когда вновь пришел в себя, ничего не изменилось. Он все также лежал на полу в позе эмбриона, а откуда-то сверху равномерно капала вода.

Горло давно пересохло. Нужно было попить.

Человек попытался встать, но не смог. Сил его хватило только на то, чтобы кое-как перекачаться на живот и едва приподняться над полом на дрожащих полусогнутых руках. Руки подогнулись, и он рухнул, больно ударившись лицом о влажный камень. Во рту почувствовал соленый привкус.

Сплюнул.

Прислушавшись, определил, с какой примерно стороны капает. Казалось, стоит встать и сделать пару шагов, и он худо-бедно сумеет утолить жажду. Только вот для этого требовалось выполнить неперемное условие. А именно – встать.

Еще несколько попыток ни к чему в конечном итоге не привели.

Жажда становилась невыносимее. Он попытался о ней не думать, но, как назло, именно теперь горло начало сушить еще сильнее. Ему казалось, что если немедленно не попьет, то не сумеет прожить больше ни минуты.

Тогда пришлось собрать остатки сил и ползти в сторону, откуда доносились звуки капли. Пришлось потратить, кажется, не менее пятнадцати минут, чтобы, едва переваливая непослушное тело по каменному полу, на подламывающихся руках добраться до вожденной цели.

Оставалось надеяться, что это была вода, а не что-то другое.

Человек с огромным трудом перевернулся на спину и подставил распахнутый рот под тоненькую струйку.

Это была вода. Он был спасен. По крайней мере, в данный момент минимальные требования для выживания им были выполнены.

Глотая желанную влагу, он старался не думать о том, что ему делать дальше. Но волей-неволей эти грустные мысли лихорадочным потоком крутились в его мозгу, затуманенном обморочным дурманом.

Утолив жажду, он уже более уверенно отполз в сторону от холодного ручейка, скрючился на полу, стараясь согреться. Когда он пришел в себя, то не сразу понял, что дико замерз. Однако теперь озноб постепенно охватывал все новые просыпающиеся члены его тела.

Где он находится? Как сюда попал? Где достать еду, ибо голод с утолением жажды все явственнее начинал напоминать о себе?

Кто ОН?!

И последний вопрос, пожалуй, больше всего занимал бы его воображение, если б не имелось более насущных проблем. Необходимо было что-то предпринять, чтобы выбраться из этого места, пока он насмерть не замерз. Но для этого требовалось, как минимум, подняться с пола. Что само по себе представлялось весьма проблематичным для узника, поскольку тело слушалось пока еще с трудом.

Холод от камня проникал в кости. Дрожь все сильнее сотрясала его тело. Несколько попыток подняться не увенчались успехом. В последний раз он сильно ушиб колено, и правая нога совершенно перестала сгибаться.

Только спустя примерно полчаса, предприняв еще несколько безуспешных попыток, человек просто решил оставить всяческое трепыхание и сдаться. Тем более что уже и холод не казался таким уж страшным. А сил на что-то еще совершенно не оставалось. Кое-как приняв позу эмбриона, чтобы сохранить жалкие остатки тепла, он замер.

Постепенно становилось все теплее, а сон понемногу заставлял веки становиться тяжелее. Он понимал, что замерзает. И больше уже ему не дано будет проснуться.

Наверное, он бы так и провалился в блаженные грезы, если бы дверь не открылась и на пол не легла полоса неровного света, тут же заслоненная чьей-то могучей фигурой.

Вошедший что-то рявкнул себе под нос, а затем, одной рукой схватив пленника за шею, поставил на ноги и вытолкнул в коридор, освещенный каким-то непонятным источником света – затуманенным взглядом человек не мог рассмотреть всех подробностей.

Ноги у него подломились. Он сполз по стене на пол. И тут же подошедший спаситель нанес ему такой удар ногой, что все вокруг в мгновение померкло. Блаженное беспометство вновь навалилось на него.

Людмила Васильевна не находила себе места. И периодические визиты полиции ситуацию не облегчали.

Прошло уже больше недели с момента исчезновения Даниила, и женщина находилась на грани нервного срыва. По такому случаю к ней, несмотря на преклонный возраст и многочисленные болячки, внепланово вернулась мать, гостившая у родственников в Перми.

Стогова Галина Эдуардовна старушкой была все еще довольно живой и бойкой. Попыталась и она хоть каким-то образом воздействовать на сложившуюся ситуацию. Причем не только путем успокоения дочери.

Видимо, возомнив себя новой реинкарнацией мисс Марпл, старшая Стогова развила бурную деятельность, организовав некоторое подобие параллельного основному следствию расследования. К чему привлекла своих знакомых. Учитывая тот факт, что большинство ее подружек давно уже состояли в клубе «Кому за пятьдесят», скоро на улицах города появились «краснознаменные» отряды кипучих пенсионеров. Следователь сказал своему помощнику по

этому поводу: «Учись, Денисов, как организована сыскная работа! Ух! Восторг, красота! Совок в действии!» – после чего горько сплюнул и ушел пить водку в одиночестве.

Наблюдая воочию такое своеобразное помешательство собственной матери, подстегнувшее к ненормальной активности престарелый актив города, Людмила все быстрее приближалась к тому состоянию, которое свойственно людям, мыслительная функция которых сводилась к минимуму. Таких частенько называют просто «овощами».

Спасительным для потерявшей последнюю надежду матери в данной ситуации оказался внезапный и никак уже не ожидаемый визит.

Пока Галина Эдуардовна где-то носилась во главе своего престарелого батальона, претворяя в жизнь свои невероятные идеи по поиску собственного внука, в дверь квартиры позвонили. Открыв дверь, Людмила увидела на пороге двух посетительниц. Одной была уже знакомая ей одноклассница Данилы, приходившая на утро после исчезновения мальчика. Звали ее, если она не ошибалась, кажется, Даша. Второй девицы с длинными огненно-рыжими волосами и яркими зелеными глазами прежде женщина не видела.

Девушки поприветствовали немного ошарашенную мать. Тапустила их в квартиру. Как ни странно, гости вдруг придали ей некий толчок, позволивший, по крайней мере, на ближайшее время, вернуться в мир реальный.

Пока Людмила Васильевна хлопотала, готовя на кухне чай, девушки устроились в комнате. Дашка нагло заняла пустующее кресло у окна. Стелла осталась стоять, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

– И чего здесь мы забыли? – недовольно сказала рыжая.

– Да тихо ты, – негромко пробубнила Дашка, – сама же хотела спросить у Даньки, откуда он там что-то узнал.

– Так его же нет.

– Ну, пра-а-ально... – к чему-то, неясно к чему, протянула Дашка.

– Чего правильно-то? – вышла из себя Стелла. – Правильно. Его куда-то снесло, а мне теперь что? Мало того, что чуть подозреваемой не сделали, так мне теперь с его матерью разговаривать. Что я могу у нее узнать.

– Мало ли... Вдруг что-то прояснишь, заодно и узнаешь, не говорил ли он что-либо матери о тебе. Вдруг он дома был более болтливым, чем в школе.

– Может, – неуверенно согласилась девушка.

– Вот, – продолжала убеждать Дашка. – Заодно матери поможешь. Может, станет понятно, куда ее отпрыск подевался.

– Это тогда не сюда надо. Ты ее видела? Она ж рехнулась, по ходу, – возмущалась неуступчивая Стелла.

– Ну, может, не все так плохо.

– А вдруг именно так?

– Ну, тогда...

– Гну рога!

– Успокойся!

– Я спокойна!

– А если она возомнит меня причастной, или, вообще, виновной в пропаже сына.

– погоди, что ты хотела сказать? – удивленно спросила Дашка, запутавшись в несвязных мыслях подруги. Потом в глазах ее промелькнуло понимание. – А, понятно. Опасаешься найденного трупа со следами суицида и запиской: «В моей смерти прошу винить Стеллу Кройц!»

Дашка на секунду задумалась:

– Кстати, а почему у тебя фамилия такая?

– Какая такая?

– Ну, нерусская...

- Потому что...
- Ты есть беглый немецкий шпионьк?
- Дура!
- Сама дура!
- Вот и поговорили!
- Дура!
- Да успокойся ты...

Гневная перепалка набирала обороты. Особенностью ее стоило полагать лишь тот факт, что столь оживленная речь произносилась участвующими в перебранке сторонами заговорщицким шепотом. От этого девушки на взгляд стороннего наблюдателя могли бы напоминать двух недовольных друг другом змей.

Точку в зарождавшемся скандале поставила появившаяся в комнате внезапно ожившая, но все еще не избавившаяся от лихорадочного блеска в глазах, Людмила Васильевна:

- Девочки, вы чай будете с сахаром или с вареньем.

Девочки повернулись в ее сторону, затем посмотрели друг на друга, а потом внезапно прыснули со смеху. Их веселье было столь заразительным, что даже несчастная женщина не удержалась и поддержала всеобщую радость неуверенной улыбкой, которая на ее миловидном лице выглядела несколько виновато.

Полковник Артемьев нервничал. Он мерил шагами кабинет и, часто затягиваясь, курил. Под потолком клубились сизые комья дыма, но Василий Максимович не обращал на это внимание. В пепельнице поселился еж – горка окурков росла в геометрической прогрессии.

Вывела из задумчивости полковника лишь боль, когда уголек на сигарете чувствительно прижег ему пальцы. Чертыхнувшись, Артемьев затушил окурочек и полез за пачкой. Но внезапно передумал и плюхнулся в массивное кресло, принявшись перебирать лежавшие на столе в беспорядке документы. Найдя отчет, послуживший причиной недовольства, полковник принялся крутить его в руках, словно не знал, с какой стороны приступить к чтению.

«Черт знает что! – думал полковник – Под угрозой срыва крупнейшая международная спецоперация».

Только подумать, российская спецгруппа в количестве пятнадцати человек бесследно исчезает в горах Кавказа после сообщения, что они вышли в исходную точку. Никаких следов. И, мало того, они позволили беспрепятственно скрыться всему персоналу одной из подпольных фабрик по изготовлению наркотиков, на которую удалось выйти с огромным трудом благодаря совместной деятельности спецслужб семи стран мира. И вот Россия, как всегда отличалась.

В час «Икс» – расчетный момент начала операции, которая включала в себя локализацию и уничтожение более тридцати подобных заводов, разбросанных по всему земному шару и тщательно замаскированных, именно российская группа умудрилась облажаться.

Артемьев понимал, что за такие промашки высокое руководство по головке его не погладит. Более того, был уверен, что генералитет, стремясь прикрыть свои заплывшие жиром задницы и сохранить возможность остаться у кормушки, найдет козла отпущения среди кого-либо должностью ниже. Стоило всерьез озаботиться безопасностью собственного положения.

Артемьев снова закурил, судорожно скомкал бумаги и отшвырнул их в угол. На несколько мгновений ему полегчало, но затем словно все внутри сжалось от приступа страха. Он боялся всего лишиться в одночасье. Его карьера могла серьезно пострадать. Для полковника это было страшнее смерти. Слишком много сил затрачено, слишком дорого ему обошлось вскарабкаться с самого низа до полковничьих погон.

И он знал, что приказ о присвоении ему очередного звания уже лежал на утверждении в Штабе. И не было никаких причин, чтобы ему отказали в его подписании. Раньше не было.

Полковник встал, задумчиво посмотрел в окно, где в грязных облаках над еще более грязной мостовой в обрамлении серых коробок домов гасли последние лучи солнца. Очень символично. Вот также он окажется в глубокой заднице после заката своей прежде блестящей карьеры.

Взгляд Василия Максимовича упал в угол, где лежал смятый отчет. Тяжко вздохнув, полковник наклонился и поднял бумагу. С грустью в глазах он расправил листы и аккуратно положил на стол. Все эти операции Артемьев проделал примерно с тем же выражением лица, какое бывает у заключенного, которому приходится вслух зачитывать смертный приговор самому себе.

Полковник с трудом отогнал от себя мрачные мысли. Что случилось, то случилось. Теперь это каким-либо образом переиграть уже невозможно. Надо решать свалившиеся проблемы по мере их поступления. В конце концов, переваливать всю ответственность на плечи подчиненных было не в его правилах. Конечно, Артемьев не мог себя откровенно назвать предельно честным должностным лицом – были в его карьере и взятки с подмазками, и ряд довольно серьезных должностных нарушений, и многое другое, – но были некоторые правила, которые он никогда не позволял себе нарушать. Для него было недопустимым ради своего блага пожертвовать кем-либо другим. Независимо от рода подразумеваемой «жертвы»: будь то жизнь человека или его судьба.

Несмотря на то, что полковнику безумно хотелось сегодняшним вечером просто забыться, прибегнув к самому народному способу снятия стресса, но он понимал, что завтра предстоит идти на ковер к начальству. И больная голова в этом случае была плохим советчиком в решении возникших последствий провала операции.

Больше своей Василия Максимовича волновала, пожалуй, только судьба ребят, пропавших в неизвестном направлении. Он просто не мог себе представить, куда могла подеваться вся группа, не оставив никаких следов своего существования. Также было непонятно, куда «утек» персонал фабрики – ведь это больше сотни человек. Они тоже без следа растворились из района, который находился под постоянным спутниковым наблюдением. И тоже никаких зацепок.

Полковник вновь опустился в кресло. Уперевшись локтями в столешницу, он обхватил свою голову и принялся планомерно ерошить ежик тронутых сединой волос. С самого начала эта совместная операция напрягала его. Не столько своей масштабностью, сколько тем, что имела к разведке совсем отстраненное отношение – не их профиль. Но кто-то из высокопоставленных шишек надавил на то, что гэрэушный спецназ еще никому переплюнуть не удавалось, да к тому же в наличие есть несколько прекрасно сработавшихся групп, уже неоднократно выполнявших спецоперации на территории Дагестана и Чечни, а следовательно, знающих территорию. И все закурилось. Ответственным от их ведомства был назначен Артемьев.

Как-то он завтра будет выглядеть, представ пред светлы очи Главнокомандующего. Тот, Артемьев был уверен, не будет тянуть и сразу попросит к себе всех, каким-либо боком имевших отношение к операции. Начнется разбор полетов, уточнение, кто на какую часть организма приземлился, наказание невиновных, расстрелы непричастных. И тогда...

Что «тогда», полковник додумать не успел, потому что в дверь деликатно, но уверенно постучали.

Пришла беда – отворяй ворота, решил полковник и пригласил ожидавшего за дверью гостя в кабинет.

Майор Мезенцев зашел как-то бочком, загадочно кося глазом в сторону полковника, как будто знал про него что-то неприличное. Такое появление этого прохиндея, Артемьев знал, могло означать только одно – майор раскопал какие-то абсолютно новые известия. И они вполне могли касаться той проблемы, над которой полковник размышлял уже битый час.

– Добрый день, Василий Максимович! – поприветствовал вошедший хозяина кабинета.

– Здравствуйте, Леонид Парфенович! – нехотя ответил тот. – С чем пожаловали?

Мезенцев и Артемьев были знакомы давно. Еще с той поры, когда молодого тогда капитана ГРУ прикрепили к одному из отделов при Штабе, где в ту пору протирали штаны выпускник военной кафедры одного из гражданских вузов, лейтенант Леня Мезенцев. С той поры они так и работали плечом к плечу, поднимаясь по служебной лестнице с разницей в две ступени.

Мезенцев человеком был крайне изворотливым и умел доставать любую интересовавшую его и его товарищей информацию, насколько бы секретной она не была. Своего рода «разведка в разведке». С той только разницей, что добытую информацию Леонид категорически отказывался кому-либо продавать, хотя могло найтись немало сторонних лиц, интересовавшихся внутренними подкованными интригами в разведывательном управлении. И причиной отказа на любые поступающие подобного рода предложения был не страх Мезенцева перед фискальными органами. Просто он пошел в армию потому, что свою страну любил. И мечтал ей служить, что так несвойственно никому из нового поколения. Служить мечтал, а в армию попасть не смог, – не прошел по физическому здоровью. Но все же отыскал лазейку и, окончив университетскую военную кафедру, отправился служить. И считал большой честью, что попал именно в разведку, пусть даже и на штабную должность.

Мезенцев повернулся к полковнику другим боком и посмотрел на того одним глазом, словно изображая из себя попугая. Артемьев с трудом подавил в себе ощущение, что майор сейчас разразится диким криком наподобие «Попка дурак!» или чего-либо в этом роде.

– Вижу, приуныли вы, товарищ полковник, – улыбнулся Мезенцев, наконец поворачиваясь к собеседнику лицом.

Артемьев предпочел не отвечать, предоставляя майору возможность поделиться своим сообщением.

– Приуныли, говорю, товарищ полковник, – повторил Мезенцев. – И совершенно напрасно.

После этих слов он положил на стол перед полковником тонкий файл с какими-то документами. Артемьев скосил взгляд на бумаги, но вчитываться не стал. Он прекрасно знал, что сейчас ему все объяснят кратко и на словах.

– Если вкратце, обделались не мы одни, – негромко поведал майор. – Здесь сводки, которые мы получили от наших зарубежных партнеров по данному мероприятию. И у всех один и тот же результат, с некоторыми корректировками, конечно, – после небольшой паузы уточнил он.

– Чуть подробнее, – полковник подобрался. С одной стороны, он почувствовал некоторое облегчение. Но в то же время неприятный холодок предчувствия пробежал по его спине.

– Американцы только что дали знать, что их группа в Ираке растворилась неведомым образом. Правда, в отличие от наших орлов, те успели выйти на связь с центром и запросить вертолет для эвакуации. По их словам, помещение, в котором, согласно разработке, находилось оборудование фабрики и рабочий персонал, оказалось абсолютно пустым. Когда вертолет прибыл на место, то ничего обнаружить не удалось. Никаких сигналов о неприятностях от группы не поступало. И никаких следов. Как и в нашем случае.

Холодок от спины спустился к ногам полковника. Но наблюдая за лицом майора, он понял, что это еще не все.

– И это еще не все, – продолжил Мезенцев, а Василий мысленно поздравил себя с догадкой. – Как раз, когда я собрался доложить тебе об этом, были получены сообщения от остальных. Итого мы имеем: ни одного захваченного объекта, все дельцы растворились в неизвестности. Было потеряно свыше двадцати элитных спецгрупп по всему миру. Остальные участники в «непонятках» и отчаянно косятся друг на друга, но никаких доказательств нет. Ни у кого нет.

– Погоди, – прервал полковник своего подчиненного. – Ты сказал, что потеряно свыше двадцати групп.

– Так точно. Если конкретней – двадцать три.

– Но ведь всего должно было быть тридцать. Получается, не все.

– Получается, да не совсем. В Штатах, Германии и Франции были использованы помимо военных специалистов еще и полицейские силы. Якобы, на менее охраняемые объекты их должно было хватить. Всего таких групп было шесть. Ни одна не пропала. На фабриках – никого. Никаких следов товара, как и полное отсутствие оборудования.

Кроме того, одну группу отозвали, приказав отменить штурм, поскольку они по косвенным признакам заподозрили внутри здания ловушку – мол, тихо там было. Эти «косвенные», кстати, тоже наши американские коллеги, но действовали они на территории Африки.

И никаких боестолкновений.

Дослушав майора, полковник помрачнел. Что-то творилось крайне нелицеприятное. И это «что-то» происходило в масштабах всего мира. Пропали двадцать три элитные группы. Специалисты более низкого уровня, видимо, не привлекли внимания тех, кто стоит за всем этим. А что «кто-то» за всем этим стоит, полковник не сомневался. Ему абсолютно ясно было одно...

Такого грандиозного «пшика» спецслужбы мира еще не знали.

Эксперимент проходит просто великолепно. Предварительная фаза может считаться завершенной. Безусловно, были некоторые проблемы, но отклонения параметров от нормы крайне незначительны.

Так, по количеству испытуемых групп удалось добиться даже некоторого переизбытка. Но профессор Иелле уверен, что это явление временное. Оказавшись в предлагаемых условиях, испытуемые объекты будут подвергаться определенной доле опасности. Что, бесспорно, нивелирует превышение допустимых количественных параметров естественным путем.

Требуется обратить внимание на искажения в работе аппарата, зафиксированные в период проведения отладочных работ после завершения предварительной стадии эксперимента. По моим предположениям, существует определенная вероятность, что в данный период аппарат мог осуществить еще один забор проб. Однако профессор отрицает такую возможность и не разделяет моих предположений. По его словам, аппарат не способен на подобное вне пределов эксперимента без предварительно заданных координат.

Тем не менее, считаю необходимым группе контроля обратить внимание на нестабильность работы аппарата в период проведения завершающей отладки.

Отчет подготовлен заместителем начальника экспериментальной лаборатории, Йонном Ро.

25.04.42017

Часть вторая. Дорогой песков

Загрузив последний мешок, Хэй закинул его на спину и, согнувшись под тяжестью, потащился к амбару. На сегодня работа была закончена и, если Мардук ничего больше не придумает для своего слуги, то можно будет спокойно поужинать слегка подгорелой кашей, раздобыв ее на кухне у старой Карины, после чего завалиться спать.

Завтра с утра его ждала новая работа. Нужно было подготовить грузовик к выезду. Колымагой так мало пользовались, что каждый очередной выезд к рынку, расположенному в тридцати километрах от дома Мардука, грозил стать последним. И то, только в том случае, если удавалось его завести. Эту проблему и предстояло решать Хэю завтра поутру, потому что ближе к обеду они с хозяином должны были отправиться на Базар.

Хэй уже практически год жил у старого Мардука в качестве то ли добровольного помощника, то ли банального слуги. И, надо сказать, особенно не страдал от этого. Старик был весьма добр по отношению к парню и, возможно, спас ему жизнь в тот далекий день.

Когда Хэя вывели из подвала, где он пришел в себя, он, по-прежнему не в силах держаться на ногах, оказался на большой утоптанной до каменной твердости песчаной площадке.

Вокруг толпились еще несколько десятков человек. Мужчины и женщины разного возраста, одетые, как правило, в потрепанные лохмотья, а встречались и нагие. Все были перепуганы. Они все топтались вокруг, затравлено оглядываясь на стоявших вокруг площадки людей в хламидах, державших в руках какие-то непонятные короткие палки.

Приглядевшись к одной из таких палок, парень признал кнут, пускай и довольно странного вида. Он и сам бы не сумел ответить, откуда у него возникла такая уверенность, ведь в голове было абсолютно пусто. Какие неясные образы, мысли и обрывки нечетких воспоминаний клубились в голове.

Выходило, что те, кто был вооружен, выполняли обязанности стражи при остальных обрванцах, не давая этому пестрому чумазому сброду разбрестись в стороны подобно стаду.

За спинами стражей вверх возносились стены, сделанные из глины, образуя квадрат высотой в четыре метра. На стенах стояли люди, с интересом рассматривая столпотворение у своих ног. Из двора был только один выход – из него только что и приволокли Хэя и остальных пленников.

Похоже на колизей. Оставалось самое небольшое – вспомнить, что собственно такое тот самый колизей. И почему от мыслей о нем внизу живота возникает неприятный такой холодок.

Ему не хотелось думать, какая судьба ожидает всех этих людей и его самого в ближайшем будущем. Почему-то парень не на шутку стал опасаться, что сейчас на площадку с пленниками выпустят разъяренных хищников, которые примутся кровожадно терзать своими клыками и когтями беспомощно столпившихся людей.

Продолжая отстраненно размышлять над природой собственных впечатлений, он судорожно пытался встать на ноги, справедливо опасаясь быть затоптанным – перепуганные люди не считали необходимым смотреть себе под ноги. С трудом, но ему это удалось.

Кто-то из мужчин попытался броситься на одного из стражников, сжимая кулаки. Раздался легкий щелчок и храбрец свалился на землю, схватившись за лицо руками. Сквозь пальцы хлестала кровь.

Страж скрутил кнут. Из-под напрошенного на голову капюшона блеснули злобой беспощадные глаза.

Больше никто не рисковал. Сверху послышался негромкий смех – там что-то оживленно обсуждали. Отсюда, снизу, выражения лиц тех людей было не разобрать, но в голосах слышались нотки откровенного презрения, отчего парню стало совсем не по себе.

Уже значительно позднее Хэй узнал, что это место, где он пришел в себя, именовалось Торгом. Не только эта площадка, огороженная высокими стенами, но и весь остальной комплекс сооружений, образовывавший некое подобие небольшого города: сараи, амбары, трактиры для путников, хранилища для различного скарба прибывших на торги покупателей, тюрьмы для плененных. Прибывших купцов интересовал лишь один товар – здесь продавали и покупали невольников со всей исследованной ойкумены, добытых самыми разными способами: от набегов на соседние области до банальной перекупки рабов с более богатых территорий, расположенных значительно дальше, за горами, что лежали на полдень от Торга, в десяти днях пешего пути. И пусть люди, обитавшие за горами, сильно отличались от местных, грязных, забитых и запуганных жителей своей чистой кожей и внешним спокойствием, в любом случае, по эту сторону границы они становились обычными рабами. Хэя же, например, просто подобрали в пустошах в паре километров от стен поселения. А как он там оказался, парень не имел ни малейшего представления.

Но тогда, стоя босыми ногами на твердом песке, раскаленном от ослепительно сияющего в вышине пустынного солнца, Хэй ничего этого еще не знал.

Вокруг что-то щебетали на непонятном языке, а может быть и на нескольких. Со стен кричали, трясли руками. Шел торг.

Стражники, послушные приказам, поступающим от людей с верхних ярусов стен, забирали выбранных купцами пленников и уводили вниз, в подвалы, из которых несчастные недавно были подняты на поверхность и через которые лежал единственный путь во внешний мир. К сожалению, не к свободе.

Постепенно людей на площади становилось все меньше. Ажиотаж спадал. По всей видимости, оставшийся «товар» покупателей интересовал мало ввиду своей «потертости». Возможно, не устраивала стоимость – речи он не понимал. Ему было тогда мало интересно, как поступят с оставшимися, в числе которых оказался и он сам. Он был уставшим, шатался, едва держась на ногах, к тому же выглядел болезненно бледным и тощим, что способствовало значительному снижению интереса торговцев к его персоне. Невольники требовались свежие, сильные, готовые выполнять трудную и тяжелую работу под палящим в этих краях ярким солнцем, а покупать какого-то доходягу, который и на свете этом держится с большим трудом, желающих не находилось.

Торговля подходила к концу. Оставшихся невольников, судя по всему, никто не желал брать даже за бесценок, считая это пустой тратой средств. Оставшимся пленникам предстояло дожидаться своей участи. Если никто не обратит своего благосклонного внимания на этих неудачников, то их ждет только одна дорога – на тот свет. Кормить лишние рты, не приносящие прибыли, здесь были не намерены.

Наконец время вышло.

В руках стражников блеснул металл. Семеро оставшихся, в основном хилые, внешне нетрудоспособные, сгрудились в центре площадки. Намерения охранников не вызывали сомнений.

Ближайший надсмотрщик сделал несколько шагов вперед, схватил одного из пленников и быстрым движением перехватил горло длинным ножом. Брызнула кровь. Несколько капель попали Хэю на лицо, и он зажмурился, сдерживая тошноту и головокружение. Вокруг закричали, еще один пленник лишился жизни.

Хэй понял, что избежать смерти уже не удастся, рухнул на землю и закрыл голову руками, слыша, как кричат, даже не пытаясь сопротивляться, его товарищи по несчастью.

Внезапно все прекратилось. Крики стихли. Хэй решил, что больше никого не осталось, и еще сильнее зажмурился, понимая, что это может значить только одно – настал его черед. Поэтому когда его схватили за волосы и рывком поставили на ноги, он только едва слышно пискнул, ожидая, когда острое железо распорет ему горло.

Но он ошибся. Внезапно появившийся на стене старик что-то негромко говорил стражникам и своему соседу справа, единственному сидевшему в огромном кресле, который, судя по всему, был здесь главным.

Придя к какому-то соглашению с опоздавшим на торг стариком, главный кивнул. После чего Хэя и еще двоих оставшихся вывели с площадки в подвал.

И повели мимо многочисленных камер, которые сейчас были пусты.

Так они познакомились с Мардуком, тем самым стариком, который выкупил оставшихся пленников. Как думал тогда Хэй, сделал это старик, разумеется, из сугубо корыстных соображений, а вовсе не пожалев обреченных на смерть невольников. Престарелый прохиндей просто прикинул, что дорогих рабов брать – себе вредить. Сильный раб и ест много, да и опасно. А вот такие убегут куда вряд ли. Да еще и благодарны должны быть, что их выкормил, а не бросил на смерть.

Имя парень тоже получил от своего нового хозяина. Все равно тот постоянно окликал его «Хэй», привлекая внимание слуги и указывая пальцем, что делать.

Затем Мардук решил, что легче немного подучить безграмотного пацана, потому что так проще будет отдавать указания. Тем более что мальчишка оказался толковым и, буквально, схватывал налету. Через три месяца он уже худо-бедно начал разговаривать на местном наречии. И даже стал общаться с еще одним бывшим пленником, Зарифом. Третий выкупленный раб не пережил сурового зноя пустыни и вскоре умер.

Именно от Зарифа Хэй и узнал, что и как обстоит в мире, где теперь ему предстоит жить. Как жил раньше, он по-прежнему не мог припомнить, но почему-то был уверен, что раньше жил в совершенно других условиях, поскольку не был знаком с реалиями выживания в засушливом климате местной пустыни. Зариф предполагал, что Хэй прибыл из-за гор, но с уверенностью сказать этого было нельзя.

Местность, в которой располагался дом Мардука, была пустынной. Мало было желающих проживать в тяжелых условиях знойной пустоши. В этих смертельных песках было всего несколько населенных пунктов: Торг далеко на севере, Чинген и Тирас на северо-востоке, к западу располагался Карст с оживленным Базаром, куда Мардук и возил зерно и другую продукцию со своей земли. Были еще различные отшельники: одиночки, живущие в оазисах, наподобие Мардука, добывающие пропитание с небольших участков плодородной земли, а также иногда чем-то приторговывая в крупных поселениях, если требовалось что-то от остатков цивилизации. Топливо для машины, например. Или батареи к силовым куполам, без которых пережить сезон пыльных бурь просто не представлялось возможным.

Южнее никого не было. По крайней мере, ничего об этом не было известно. Те, кто когда-либо уходил на Юг, чтобы рассказать не вернулись. Либо там было слишком хорошо, чтобы возвращаться, либо, что более вероятно, жизнь путешественников там обрывалась.

Собственно, никого особенно и не интересовала та сторона. Здесь, в суровых условиях пустыни, люди привыкли жить тем, что было вокруг. Мечтать о чем-то, исследовать новые земли – никакого желания у них попросту не было. Если и появлялся у кого вдруг нездоровый задор, то ему оставалось только сгнить где-нибудь среди барханов в поисках неизвестно чего. Так к чему зазря рисковать своей головой, если и так выжить непросто.

На севере, за Торгом, были горы. Что за ними, тоже мало кого интересовало.

Мардук был нормальным хозяином. Требовал он строго, работать заставлял много, но ничего сверхъестественного выжать из рабов не старался. У него в собственности было больше семнадцати человек, что, в принципе, составляло мизер по сравнению с владельцами земель или жителями крупных населенных пунктов, типа Чингена или Карса. Условия жизни для рабов, скорее считавшихся в его доме наемными слугами, с той лишь разницей, что служили они не за деньги, а за пищу и кров, были неплохими. Бежать никто не пытался. Да и куда было бежать, если вокруг на многие километры вокруг, кроме песка, ничего не было.

Внимательно осмотрев Хэя в первый раз, старик пришел к выводу, что парнишке еще лет немного, а потому можно попробовать использовать его не только как тягловую силу, но и кое-чему обучить. Сам Мардук был уже немолод, наследников не имел, а помощь в делах лишней ему не будет. Тем проще ему казалось самому взять себе ученика, чем найти какого-нибудь сомнительного партнера со стороны: народ вокруг был бедовый – могли и обмануть, хорошо, если живым бы удалось остаться. К сожалению, учить чему-то новому взрослых рабов он считал бессмысленным, да и умственные способности этого товара, как правило, набравшегося из диких окрестных племен, оставляли желать лучшего. А кого посообразительней было днем с огнем не сыскать – молодых и крепких разбирали за большие суммы и совсем для других целей. Так что Хэй показался старому торговцу просто манной небесной.

За год Хэй не только поднаторел в местных языках и торговой науке, но и немало раздался в плечах, поднарастил мяса на костях. Было очевидно, что тяжелая физическая работа с обильной кормежкой идет ему на пользу.

Неизвестно, какой именно перекосяк произошел затем в мозгах Мардука, но он постепенно начал видеть в молодом парне уже не только раба и перспективного помощника, но и возможного преемника, которому намеревался оставить все свое хозяйство.

Об этих мыслях он пока Хэю не говорил и спуска, несмотря на эти идеи, не давал.

Первое время парень переживал из-за того, что не может ничего вспомнить о своей прежней жизни. Только во снах перед его взором порой возникали смутно знакомые лица, невнятные образы, но он не мог точно сказать, были ли это видения из его прошлого или просто обыкновенные сновидения. Со временем он просто отбросил все пустые попытки что-то вспомнить. Если что-то должно было проклюнуться в его голове, со временем оно там проклюнется, разумно решил он. Пока же оставалось жить той жизнью, которую ему предлагала капризная судьба.

– Что, Хэй, завтра на рынок? – окрикнул его Зариф, когда парень уже подходил к своему жилищу – небольшому глинобитному строению, в котором он обитал в гордом одиночестве. У Мардука рабы жили довольно просторно, по одному-два человека в хижине, благо территория позволяла, да и строения для них соорудить в местных условиях было делом не хитрым. Исключение составляли лишь старая повариха Карина да престарелый слуга Цдвор, проживавшие в хозяйском особняке, небольшом двухэтажном, построенном из настоящего кирпича здании. Название «особняк», скорее всего, просто должноствовало означать, что здесь живет сам хозяин, а не кто-то из его людей.

Хэй повернулся к Зарифу и утвердительно кивнул головой. Раньше мужчина выполнял функции водителя, а Хэй только загружал мешки с товаром в кузов старенького фургона, но на прошлой неделе Зариф повредил ногу, по причине чего его участие в завтрашней поездке не планировалось.

– Помоги, пожалуйста, – попросил Зариф. – там что-то непонятное с колонкой, а я и наклониться-то нормально не могу.

– Ладно, – согласился Хэй, – пошли.

Колонка сначала наотрез отказывалась давать воду. Только чихала и твякала, бешено при этом трясясь. Потом из крана полилась некая густая темно-бурая субстанция с весьма занимательным запахом – он как бы и не вызывал прямого отвращения, но и невзначай намекал, что пить эту гадость точно не стоит. Хэй и Зариф с пониманием переглянулись.

– Нефильтрат, – мрачно подытожил парень.

– Угу, – многозначительно подтвердил мужчина, задумчиво почесывая затылок.

Оба понимали, что это значит – фильтры накрылись.

Выжить без воды в пустыне не представлялось возможным. Значит, придется ему одному, ввиду полнейшей непригодности Зарифа в текущий момент к решению возникшей

задачи и отсутствия хоть каких-то элементарных технических навыков у других слуг, лезть вниз и ковыряться в давно проржавевшем нутре водяной помпы, меняя сдохшие активные фильтры.

Хэй невесело усмехнулся и распрошался с мечтой пораньше лечь спать. Зариф сочувствующе и виновато смотрел на молодого человека. Сам Хэй виноватым того не считал. Вода нужна для выживания. Значит, вода должна быть. Тем более, он знал, что если бы Зариф был в состоянии, то непременно сам бы спустился вниз, даже не беспокоя приятеля.

Захватив из сарая инструмент и запасные фильтры, Хэй откинул люк и полез к расположенной на глубине двенадцати метров помпе, стараясь не поскользнуться на склизких скобах, вделанных в стену вертикального тоннеля.

Ковыряясь в механизме и решив попутно не только поменять фильтры, но и почистить изрядно засоренную и поношенную гидравлику, Хэй мрачно размышлял о том, откуда у него взялись все эти невероятные по здешним меркам навыки в работе с механизмами. Нет, он не мог сказать, что все знал, многому пришлось научиться. Однако воспринимал все это, в отличие от большинства остальных рабов, без благоговейного ужаса и излишнего преклонения перед техникой не испытывал.

Вообще, мирок, в котором ему довелось оказаться, был несколько странноватым. Причудливое сочетание диких нравов и сложных технологий несколько удивляло его. И сам факт, что его это удивляло, удивлял его не меньше. Ведь, учитывая плачевное состояние его памяти, сравнивать ему, собственно, было не с чем. Так с чего вопросы?

Но вопросы все же оставались.

Единственной возможностью что-то вспомнить для него – перебраться на другую сторону гор. По крайней мере, такую идею высказал в свое время Зариф. Возможно, если Хэй действительно был оттуда родом, какие-то моменты могли пробудить его дремлющее сознание. Зариф говорил, что там быт значительно отличается, хотя подробностей рассказать не мог – сам по ту сторону он никогда не бывал, только долгое время жил в предгорьях. Но даже там, судя по его рассказам, люди живут совсем иначе, чем в пустыне. Более цивилизованно. Зариф с удовольствием рассказывал новому знакомому о прежней жизни, о том, какой у него был дом, свое хозяйство, описывал жизнь, которую раньше вел. Впрочем, посвящать Хэя в обстоятельства, приведшие его в пустыню в статусе раба, не спешил. А тому это было без надобности.

С фильтром он разобрался далеко за полночь. На небе сиял большой диск «ночной» луны. Вторая станет видна только в рассветные часы.

Когда Хэй впервые узнал об этом, почему-то сильно удивился. Что-то подсказывало, что две луны – это ненормально. Но он быстро пришел к выводу, что ненормально – это ни черта не помнить, – потому просто на свое удивление глубоко и смачно плюнул.

Когда после душа его голова коснулась подушки, сон не заставил себя ждать. Ночью сны снились странные.

Мальчик куда-то шел по каменистой земле. Он был бос, но подошвы его не ранили многочисленные камни, которые валялись вокруг. Огромный лунный диск сиял на небе, заливая бескрайнюю равнину, по которой он двигался в неизвестном направлении, мертвенным светом, от которого тени, отбрасываемые мельчайшими выступами ландшафта, становились непропорционально длинными.

Вокруг царил тишина. Такая, которая никогда не бывает в простую ночь, наполненную стрекотом насекомых, шорохом ночных животных, вышедших на охоту, шелестом перетекающего под порывами ветра красноватого песка. Здесь же никаких звуков не было, только его шаги.

Над головой простиралось бескрайнее звездное небо, свет звезд казался приглушенным, не в силах спорить по яркости с лунной. Столь же бесконечной казалась и равнина, лежавшая

под его ногами. Сколько он ни пытался, не мог разглядеть хоть что-то новое на горизонте. Все та же бесконечная каменистая степь.

Он подумал вдруг о том, куда идет. И тут же остановился. На спине словно почувствовал чей-то взгляд и быстро обернулся.

Никого.

Только неестественно длинная тень, послушно упавшая ему под ноги. Только тень. И больше ничего.

Мальчик посмотрел по сторонам. Было похоже, что в какую сторону двигаться – абсолютно безразлично. В этом ночном мире ничего не изменится. Он вдруг отчетливо понял это, и тоска сдавила его сердце.

Все было бесполезно. Он никогда отсюда не выберется. Так стоило ли пытаться? Может быть, проще все бросить и никуда не идти. Может, просто остановиться, усесться здесь и ждать в бесконечном одиночестве, в мире, лишенном дня, мире теней?

Тень!

Мальчик внимательней посмотрел себе под ноги. Тень была неестественно темной. Страшно темной.

Он не понял, почему так поступил, но вдруг шагнул вперед. И тут же провалился в темноту...

Хэй проснулся в поту. Непонятный сон испугал его. Что бы это могло значить? И кем был тот мальчик?

За окном еще стояла ночь. Судя по всему, он проспал не больше часа, но было ощущение, словно во сне он пробыл значительно больше времени, безмерно больше. Как будто заглянул в бесконечность.

Хэю и прежде снились какие-то невразумительные сны. Но никогда раньше ничего столь жуткого и пугающего не было. При этом было непонятно, что именно больше всего вызывало ужас во всей картине. Ведь никто не нападал на него, его не били, вокруг него не ныряли в почву ядовитые двухметровые скорпионы, не слонялись каннибалы в поисках пищи, не кружил над головой чешуекрылый карас – ящероподобная птица с размахом крыльев до пяти метров, не гнушавшаяся обычно падалью, но и запросто способная прибить одинокого ночного путника. Тот мир был мертв и гораздо более спокоен, чем реальность, в которой ежедневно пребывал Хэй.

Но эта сонная равнина пугала его, в отличие от реальности. Возможно, именно тем, что она была мертвой. Никаких признаков жизни. И было неясно, был ли этот мир таким всегда или что-то послужило причиной исчезновения его обитателей.

Молодой человек поймал себя на мысли, что довольно серьезно задумался об этом. Словно ему больше не о чем было подумать.

Чем забивать себе голову бесполезными размышлениями, лучше просто поспать. Главное, чтобы больше сон не повторился.

Повторно засыпая, Хэй еще раз успел подумать о том, кем же все-таки мог быть тот потерявшийся мальчишка.

Больше в эту ночь сны ему не снились.

Наутро, доведя до ума грузовик и убедившись, что колымага исправно заводится и не предпринимает попыток внезапно заглохнуть, Хэй и Мардук отправились на базар.

Дорога вышла спокойной. До Карса добрались, когда небо еще только алело, и ночная прохлада еще не уступила свои права проклятой жаре. Сторговались довольно быстро. Зерно ушло по хорошей цене. Старого Мардука в городе знали давно и продукцию его брали с удовольствием. Только вот хватало не всем. Но больше перевезти за один раз не позволяли

довольно скромные возможности имевшегося в наличии грузовичка, который и так дышал на ладан.

Думать, сколько этой гусеничной реликвии лет, Хэй даже не хотел, опасаясь, что тогда просто побоится впредь садиться за баранку этого чудовища. А покупать новый Мардук по какой-то причине не спешил. Хотя вполне мог себе позволить нечто получше – торговля зерном, которое положительно выделялось своим качеством среди того, что привозили остальные торговцы, как и количеством, что наводило Хэя на мысли про какие-то секреты старого Мардука, хотя ничего необычного, пока горбатился на поле, не заметил, позволяла.

Здесь же, в Карсе, располагался и рынок подержанного транспорта, и Хэй видел, что можно было бы приобрести какую-нибудь более новую и более мощную машину, а то и грузовой гравилет. Правда, пришлось бы доводить все это до ума, но с помощью Зарифа Хэй бы несомненно справился.

Такое упорство Мардука в этом вопросе заводило парня в тупик. На его взгляд, было бы разумным поменять технику, чтобы не рисковать как-нибудь застрять посреди песков и пилить несколько километров по пустыне пешим ходом.

Поэтому на обратном пути он вновь затеял беседу по этому поводу со стариком. Тот поначалу молчал, как всегда не спеша отвечать на вопросы ретивого слуги, но потом, собрав морщинистое лицо в задумчивую гримасу, вдруг улыбнулся.

– Ты Хэй молод. И неглуп.

Старик на некоторое время замолчал, а Хэй, боясь спугнуть внезапно напавшую на того разговорчивость, опасался что-нибудь не то ляпнуть. Так, в тишине, они проехали примерно с километр.

Когда молодой человек уже начал раздражаться от нетерпения, решив, что кроме этой загадочной фразы ничего из престарелого агронома вытянуть не удастся, Мардук продолжил:

– Скажи, кто у нас покупает зерно, ты знаешь?

– Мне кажется, господин, что это не совсем обычные горожане, – неуверенно ответил Хэй, чувствуя подвох в вопросе хозяина.

Мардук многозначительно кивнул:

– Ты прав, это не обычные горожане, – он улыбнулся, глядя на недоуменное лицо парня. – Они сами торговцы. Перекупщики. То, что они покупают у меня, потом продают втридорога совсем в других местах. В основном за горами.

– За горами? – удивление слепило на лице Хэя столь забавную гримаску, что Мардук негромко рассмеялся. Хэй, немного смущенный, спросил его. – Разве кому-то за горами может понадобиться наше зерно?

Он просто опешил от того, что только что сказал ему старик. Неужели там, за горами, в месте, о котором он слышал пока только слухи, действительно живут люди. Люди, которые покупают что-то с этой стороны для себя. Значит, торговцы знают о том, что лежит за горами намного больше, чем тот же Зариф. А значит...

Тут его словно молнией ударило. Хэй с подозрением посмотрел на своего хозяина. Неужели этот старик что-то знает о том мире. И тогда сумеет помочь вспомнить Хэю о его прошлой жизни.

Очевидно, эта мысль настолько явно отразилась на лице молодого человека, что старик, улыбнувшись в очередной раз, сказал:

– Да, я знаю, что находится по ту сторону гор. Если хочешь, я расскажу тебе.

Мардук посмотрел на парня, который буквально подпрыгивал на месте, лишившись дара речи от такого предложения и стараясь выразить свое согласие такой своеобразной пантомимой.

– Чуть позднее, Хэй, – разрушил мечты своего помощника старик, Хэя аж перекосило от такого внезапного перехода.

«Ну вот, – подумал он, – начали за здоровье, а получилось как всегда».

– Не переживай, – снова усмехнулся Мардук, – долго ждать не придется. Просто послушай меня для начала.

Почему бы и нет, подумал Хэй и весь обратился во внимание.

Мардук недолгое время молчал, собираясь с мыслями, а затем сказал:

– Знаешь, Хэй, мне хотелось бы знать, как тебе живется у меня?

Хэй не совсем понял, куда клонит старик, и потому ответил осторожно, боясь своим неверным ответом обидеть или разозлить хозяина:

– Я счастлив служить вам, мой господин...

Мардук недовольно поморщился и махнул рукой, прерывая Хэя:

– Я не о том, мой мальчик.

Хэй замер, прежде хозяин никогда не обращался к нему подобным образом. Ой, что-то будет, пронеслась в голове молодого человека лихая мыслишка.

– Ты уже, думаю, понял, что к тебе, да и к остальным, я отношусь совсем не так, как другие к своим рабам.

Хэй кивнул.

– Ты хочешь знать почему?

Снова кивок.

– Просто я вас таковыми не считаю. Мы просто община людей, живущая под одной крышей, на одном подворье, если быть точнее, и каждый делает все от него зависящее, чтобы выжить в тех жестоких условиях, которые нас окружают.

Старик, обычно немногословный, снова замолчал, оставив Хэя гадать, что послужило причиной подобной словоохотливости. Тем более что Мардук делал такие невероятные загибы, что Хэй даже немного забеспокоился, не напекло ли старому голову.

– Так вот, – продолжил Мардук свою мысль. – Мы все стараемся выжить. Вместе выжить проще, потому мы вместе.

«Это он хватил, конечно, – подумал Хэй, – а чего же тогда на торге деньги на нас потратил?»

– Ты, небось, думаешь, что старик совсем выжил из ума, несет какую-то несусветную чушь, не так ли? – пронзительные выцветшие глаза Мардука уставились в лицо Хэю. – Спешу огорчить – это не так!

Он снова недолго помолчал.

– Ты, Хэй, гадаешь, зачем мне было тратить на вас деньги, выкупать. Все крайне просто: найти на этих просторах себе работников иным способом весьма проблематично. И даже опасно. Наверное, Зариф и остальные тебе рассказывали, какие примерно люди окружают нас. Дикие племена, охотники за головами, каннибалы. И как ты представляешь себе набор людей в таких условиях? Тем более тем, кто попадается работоторговцам, как правило, больше уже некуда податься. За редким, конечно, исключением.

Мардук переводил дух, Хэй не отрываясь от управления грузовиком, внимательно слушал старика, стараясь не пропустить ни единого слова.

Между тем Мардук снова заговорил:

– Да и нанимать рабочих бессмысленно. Тут просто некуда тратить деньги, чтобы их зарабатывать. Да и поселения и оазисы разбросаны так, что не сразу и доберешься. Запросто зад поджарят какие-нибудь пустынные мордвороты. Да и те, кто обитает в городах и оазисах, ничем не лучше.

Ты говорил о том, чтобы купить новый грузовик. Что приведет к некоторым выводам. Люди здесь не по-доброму друг к другу относятся. Стоит им заметить, что кто-то чем-то выгодно отличается от остальных – машина лучше, телега новее, – тут же сопрут. Кругом ворье, дорогой мой друг, у стоящего человека подметки срежут – не заметишь. Любое приобретение,

обновление в хозяйстве, может привлечь ко мне лишнее внимание. Так же, как и слишком большой объем продаваемого зерна. И тогда могут начаться неприятности. Кругом молодые, злые ребята. А я уже старый. Хотелось бы спокойно дожить до собственной смерти, ничего не опасаясь.

Пойми, мне же многого не надо. Наследство оставить некому. А значит, и напрягаться не стоит особо. Только спокойно прожить остаток дней. Так всегда было.

Мардук прервался. Его откровения производили на Хэя двойное впечатление. С одной стороны, он был сильно ошарашен тем, что такая словоохотливость внезапно посетила старика. С другой, теперь он совсем по-иному начинал смотреть на этого человека.

– Понимаешь, Хэй, – снова заговорил Мардук. – Я уже некоторое время размышляю над одной единственной идеей. Хочешь знать, какой? Я скажу. Не хотелось бы исчезнуть просто так. Совсем. Как я и говорил, раньше мне постоянно хотелось только спокойствия. Моя жизнь была слишком богата на приключения. Мне хватило.

Но теперь я совсем не хочу исчезнуть, ничего не оставив после себя. Я хотел бы, чтобы ты унаследовал мое хозяйство. На твои плечи в этом случае ляжет вся ответственность за содержание и защиту моих владений. И тогда уже всерьез можно задуматься о расширении моего предприятия. Ну, что скажешь?

Хэй, совершенно обалдевший, резко остановил машину, так, что они с Мардуком едва не влетели носом в лобовое стекло. С отвисшей челюстью он уставился на старика. Такого предложения он от него не ожидал.

Мардук, видя удивление парня, глухо рассмеялся:

– У тебя в такие моменты довольно забавное выражение лица бывает. Просто не могу удержаться от смеха.

Хэй между тем продолжал прибалдело глядеть на своего хозяина.

– Понимаешь, малыш, ты толковый, очень толковый для этих мест. Не гений, конечно, но явно посообразительней основного большинства. А меня детьми жизнь наградить как-то не сподобилась. Не довелось, понимаешь? Ну, соглашайся, не обижай дедушку.

– А...

– М-да, – было заметно, что следить за реакциями парня доставляло ему большое удовольствие. – Я понимаю, ты хочешь вспомнить о том, откуда ты родом. Подскажу кое-что. Если ты надеешься, что ты попал сюда с той стороны, то тебе надо поговорить с кем-нибудь из тех, кто покупает у меня товар. Понимаешь ли, эти ребята, как правило, не местные. Они с другой стороны гор и приходят сюда за тем, что я им продаю. Ну, не только я, правда. Остальные их устраивают в меньшей степени. Только я тебе не советую этого делать.

– Почему? – удивился Хэй, все еще пребывавший в прострации. Сегодня Мардук открылся для него совсем с новой стороны. Старик прежде не был столь разговорчивым. Всегда выглядел отстраненным и несколько диковатым, как и многие уроженцы этих песков.

– Потому что это тебе совершенно ни к чему, Хэй. Не поможет. Ты не с той стороны. Скажу больше, ты и не с этой стороны. Ты вообще не с этой планеты. И, откровенно говоря, я понятия не имею, откуда ты. На местных туземцев ты не похож, условного индекса жителя тоже не имеешь – я проверял, он должен быть тут, – Мардук скинул капюшон и показал себе на шею. Там переливалась разными цветами, играя на солнце, татуировка, на которой были нанесены какие-то цифры и буквы – старик слишком быстро закрыл ее, чтобы успеть разобрать. – У всех здесь, тех, кто не родился в песках, а пришел с той стороны горного хребта есть такая татуировка. А у тебя нет. Можешь даже не смотреть.

– И как же тогда мне быть? – Хэй пригорюнился. Ему совсем не нравилось то, что говорил Мардук.

– Успокойся, – видя, в какое положение он загнал мальчишку, Мардук попытался его успокоить. – Для начала. Я думаю, что со временем все встанет на свои места. А если и нет,

то пока самым разумным для тебя выходом будет жить, как есть. Не предпринимать ничего лишнего. Что позволит тебе избежать ненужных сложностей. Я научу тебя, как выжить в этом мире, а ты поможешь мне со всем. И остальным ребятам, которые живут у меня.

– Но как тогда понять, что все прежнее время...

Мардук перебил его, поняв недосказанный вопрос:

– Еще раз говорю, я никого не считаю рабами или слугами. Просто если бы я вел себя с ними как-то иначе, то это выглядело бы для них странным – они туземцы, довольно глупы и привыкли к такому отношению. Понять то, что я говорю тебе, могут только ты и Зариф. Да, может статься, еще Карина – все ж таки довольно давно живет у меня. Поэтому мне надо было присмотреться...

– Ясно, – кивнул Хэй. На самом деле, все стало только запутанней, но сказать об этом оживившемуся господину он не решился.

– Я научу тебя всему, что тебе может понадобиться, – повторил Мардук. – А потом, когда придет время и ты вспомнишь, кто ты и откуда, то сумеешь уже самостоятельно принять решение. Оставаться здесь. Или каким-то образом попытаться добраться до дома. Но до тех пор я больше ничего не скажу тебе о том мире, в котором ты очутился. Ты сам должен будешь это понять.

Мардук внимательно смотрел на Хэя. Тот, ощущая, как от этого взгляда на нем выступает холодный пот, сказал: «Хорошо», – при этом его не покидало чувство, что только согласился на нечто довольно неординарное, а если точнее, то нажил себе большие неприятности.

– Тогда что ж, заводи, – по-доброму улыбнулся старик. Он явно был доволен сегодняшним разговором.

Включив зажигание, Хэй направил машину домой. Мардук больше ничего не говорил. А самому парню было, о чем подумать. Он старательно раскладывал по полочкам то, что только что ему наговорил этот человек, которого, как оказалось, он совершенно не знал.

И среди всех вопросов, которые терзали его в эти минуты, один выделялся из общего строя.

Кто он, наконец, такой?

Очередной день клонился к закату, когда Хэй, едва волоча ноги, вернулся к себе в хижину. Быт его за последнее время сильно изменился. И парень знал, что именно послужило причиной этому. Тут даже голову ломать не надо было.

Согласие Хэя стать наследником, практически сыном, Мардука было тем шагом, с которого все и началось. Старик с той поры сильно изменился, превратившись вдруг из замкнутого и нелюдимого дедушки в деятельного пожилого мужчину, полного сил. Казалось, что согласие Хэя буквально вселило в него новые силы. Мардук все свободное время проводил с новоявленным учеником. Сначала учеба Хэя включала в себя только посвящение в некоторые секреты земледелия. Поэтому в течение нескольких недель Хэй буквально не вылезал с поля, сея, пропалывая, поливая и выполняя другие необходимые указания, которые щедро раздавал ему Мардук – и все точно в тех пропорциях, которые назначал старик.

Хэй и раньше проводил довольно много времени в работе, но никогда прежде так не нагружался. Его день теперь начинался задолго до рассвета, а светало в пустыне рано, и заканчивался спустя несколько часов после захода солнца. И все эти мероприятия проводились в максимальном темпе, на жуткой пустынной жаре, практически без отдыха.

Зариф и остальные были немало удивлены тем, что хозяин, объявив о том, что Хэй теперь будет наследовать ему, практически полностью освободил их от работы на поле и нещадно принялся гонять собственного преемника. Но никаких объяснений никто выпытывать не старался.

Когда к исходу первой недели Хэй перестал под конец рабочего дня валиться без задних ног в кровать и сразу же отрубаться, не находя в себе сил даже на то, чтобы элементарно помыться, Мардук потребовал увеличить интенсивность работы.

Сам Хэй ни черта не мог уловить, с какой такой радости на его плечи свалилось все это – он несколько по-иному представлял себе наследование.

В конце концов парень все же решился задать вопрос Мардуку и попросил того объяснить кое-что.

– Скажи, Мардук, – спросил он, когда после очередного мучительного дня подошел к старику, – зачем все это? Я, честно говоря, совершенно не понимаю, зачем было настолько пересматривать обычный распорядок. Я понимаю, конечно, что я молодой, еще более-менее здоровый, но совсем отстранять остальных от полевых работ было несколько, на мой взгляд, преждевременно. Я ж могу и не потянуть. Тем более, совсем я не понимаю, в чем же все-таки заключается «секрет» твоего урожая. Явно не в том, что весь объем работы приходится на меня одного.

Мардук тогда усмехнулся и негромко сказал:

– Когда ты поймешь, в чем же заключается так «тщательно оберегаемая мной тайна» урожая, как мне удастся получать такое зерно, когда перестанешь валиться с ног от усталости после завершения дня, тогда и получишь ответ.

Это прозвучало абсолютно непонятно, но очень многозначительно. Хэй ощутил всю значимость сказанных Мардуком слов, особенно ему не понравились нотки насмешки, когда тот упомянул про «тщательно оберегаемую тайну».

На следующий день Мардук дал указания распахать новые участки оазиса под поле, а также увеличить площадь сада – мол, слишком большая часть плодородной земли остается невостребованной, а это очень неразумно.

Вообще, если хорошенько задуматься, то у Хэя возникали неоднократно странные сомнения. Во-первых, о том, как вообще посреди пустыни могут сохраняться столь обширные очаги плодородных земель, ведь что-то ему подсказывало, что под понятие «оазис» в привычном для него смысле должно скрываться нечто более скромное. Во-вторых, что за игру затеял их бравый старикан, и каким образом уже ему, Хэю, доведется в ней поучаствовать.

Вот и сейчас, лежа на кровати, Хэй раздумывал над тем, что подразумевал теми словами старик. Как понять, что за секрет позволяет ему что-то выращивать в условиях этой пустыни, даже в несколько более мягких условиях «оазиса».

Секрет?!

Какой-то бред!

Что же это может быть?

Никаких изменений или особенностей он в процессе не замечал, никаких добавок в воду не примешивал при поливе.

И что же тогда?

А вдруг и нет никакой тайны! И все это просто злая шутка шкодливого старикашки. Что ж, и эту версию не стоило сбрасывать со счетов. Особенно учитывая, как в последнее время себя ведет старый – остальные работники прямо-таки шарахаются от его довольной физиономии.

И ведь что-то в этой идее есть!

Хэй даже приподнялся на кровати.

Ну как он раньше не понял: ничего нет, никакого секрета. С чего он вообще вбил себе это в голову? Говорил ли об этом старик или же сам парень придумал нечто подобное и поверил? Даже и не вспомнить!

Хэй успокоился, сумбур в его мыслях, не дававший ему уснуть, наконец-то сменился на некий порядок.

Действительно, нет никаких загадок. Слухи об этом, которые ходят в Карсе и, наверное, в других городах – только слухи. Люди, особенно те, кто умудряется выживать в жутких условиях пустыни, склонны верить в чудеса и мистику. Им необходима вера в это. Ведь они и так живут на краю мира, дальше – предел, за который никто не ступал. И здесь особенно требуется хоть во что-то верить. Так почему бы и не поверить в то, что старый Мардук владеет каким-то секретом, который позволяет ему снимать такой небывалый урожай? Легко.

Но ведь на самом деле это все обман, порожденный растерянными жителями пустыни. Потому они и побаиваются старого агронома-торговца, думают, что он обладает некоей тайной силой, с помощью которой каким-то чудесным образом зерно в колосьях на его поле лучше и сочнее, чем у остальных.

Старый ловкач! Возможно, он сам приложил руку к тому, чтобы пошли подобные разговоры в Торге. И уже оттуда и по всем Пустынным Землям, как иногда называли этот жестокий край местные, пошли слухи во все концы.

Просто у этого оазиса более плодородная почва. Ему, Хэю, тяжело с чем-то сравнивать: оказавшись в этом мире, он мало что повидал, кроме фермы старого Мардука, не видел других мест, оазисов, полей и ферм, но – он готов поклясться – именно более плодородная земля даже в таких страшных условиях позволяет расти колосьям моги, практически единственного злака, который способен расти здесь, но зато больше нигде на планете не встречался.

Кстати, о том, как называется этот злак, Хэй узнал от Мардука совсем недавно. Местные называли эту зерновую культуру просто «зерно». И колосья, и зерно – все было для них просто «зерном». «Моги» – это название дали этому растению, могущему существовать только в критических температурах пустыни жители Долин – того, что лежало по ту сторону Хребта. Это название Хэй тоже узнал от Мардука.

Обильный полив – вот второе звено. Раньше Хэй не придавал этому значения. Но теперь, когда вся работа легла на единственно его плечи, он заметил, что крайне важную роль старый агроном отводит именно поливу. Потому колосья моги столь пышны у него.

Может быть, это и все?

От близости возможной разгадки Хэй нетерпеливо заерзал на ложе. Все так просто? И он так долго ломал над этим голову?

– Хотя нет, стоп! – Хэй вслух одернул себя.

Точно, он ведь прежде особо и не забивал голову размышлениями на данную тему. Ему просто не доставало сил после окончания очередного наполненного трудами дня. Только недавно, когда его дневная нагрузка уже не казалась молодому человеку столь утомительной и чрезмерной, он снова начал размышлять перед сном, лежа в жесткой кровати.

За время, что минуло с начала этого мучения, Хэй высох, стал жилистым и крепким. Жаркое солнце, под лучами которого он проводил практически все время, и постоянные усилия, которые он прилагал на поле, вытопили из его тела весь жир без остатка. Мышцы молодого человека стали гибкими, упругими и налились силой, которой прежде не обладали. И сам он немного вытянулся.

Мардук даже несколько засомневался в том, что верно истолковал возраст мальчика, когда покупал его на невольничьем рынке. Тогда он посчитал, что берет мальчишку лет тринадцати-четырнадцати от роду – именно такое впечатление производил тот своим хилым телосложением. И первоначально все это подтверждало. Однако теперь Хэй больше походил на молодого человека лет двадцати. Впрочем, Мардук просто пожал на этот счет плечами и выкинул из головы. А Хэй особо по этому поводу и не переживал – поскольку он ничего пока не мог вспомнить, то и пытаться это делать считал излишней тратой времени и сил. Он твердо решил следовать тому пути, который ему предлагает судьба. Там, в будущем, что-то еще будет. Возможно, что и вспомнится.

А до того момента следует еще дожить.

Оставался для Хэя теперь еще один момент, который несколько омрачал картину с разгадкой предложенной стариком головоломки. За каким, собственно, тому понадобилось так гонять парня, что тот даже не мог найти времени и сил подумать о так называемом «секрете»? Впрочем, как раз об этом имеет смысл спросить самого хитромудрого дедушана.

На следующее утро Хэй и озадачил, как ему показалось, Мардука этим вопросом, предварительно поделившись посетившими его ночной порой идеями.

Старик весело блеснул глазами, хмыкнул в бороду, а затем неторопливо ответил:

– Верно, ты правильно ответил. Никакого секрета нет. Все это досужие домыслы, появиться которым, как ты правильно подметил, помог я сам.

Хэй радостно выдохнул. Его переполняла гордость за самого себя. Он все-таки справился с этим заданием. Теперь все кончено. Осталось только выяснить у старика, зачем тот только устроил весь этот огородный марафон.

Если бы парень в тот момент мог предположить, как он ошибался.

– Что ж, – начал Мардук, – теперь я отвечу на тот вопрос, который ты задал мне два месяца назад («Ого! Два месяца прошло. За всем этим удовольствием я совсем счет времени потерял!» – подумал Хэй в тот момент.). Впрочем, ответ тоже лежал на поверхности. Я несколько расстроен, что ты еще сам не понял. Ведь не понял же?

Старик испытующе уставился на парня. В глубине его глаз плясали озорные чертики.

Хэй удрученно кивнул, соглашаясь и думая, что такой ход со стороны старика был несколько нечестным.

– Раз ты станешь моим наследником, то ты сразу же станешь мишенью для множества недовольных людей.

Хэй удивленно уставился на Мардука, пытаясь сообразить, каким боком он мог кого-то задеть при подобном развитии событий.

– Не понимаешь. Что ж, я поясню, – Мардук укоризненно посмотрел на ученика и терпеливо принялся за разъяснения. – Как ты можешь понять, я уже не молод, хотя и помирать тоже прямо сейчас не собираюсь. Но когда-нибудь этот день настанет. Это понимаешь ты. Это понимают и остальные. Торговцы из Долин, местные земледельцы, обитающие в других оазисах, городские проходимцы. Здесь тоже встречаются неглупые люди, и они могли прийти к тому же выводу, что и ты: никакой тайны нет – есть только вода и труд, и несколько более плодородная почва, чем у них. Но все одно, благодаря слухам, которые, в свою очередь, тоже обрастают со временем другими слухами, меня все еще побаиваются. Опасаются, что я кто-то вроде колдуна и могу на них навести что-нибудь похожее на порчу. И поскольку я еще и не особо мешаюсь у них под ногами и довольно стар, то, почему бы и нет, они могли решить позволить мне дожить до собственной смерти. Как бы это странно не звучало, но даже в этих песках такой вариант вполне имеет право на существование.

Хэй утомленно слушал разглагольствования Мардука. Солнце уже изрядно напекло ему макушку, а по лицу струился пот. А старик, между тем, продолжал:

– Когда они узнают, что у меня из ниоткуда появился наследник, которому после моей смерти перейдет все это хозяйство, уже начавшее расширяться твоими усилиями, то, как думаешь, как они поступят?

Испуг отразился на лице Хэя. И он не пытался этого скрывать. О том, что можно нажать себе врагов таким нехитрым способом он как-то не подумал, когда соглашался на прием дел у старикана, а тот, в свою очередь, ничего о подобной угрозе не упоминал. Теперь же, несмотря на фактическое отсутствие какого-либо документа, отказаться от заключенного на словах договора у Хэя вряд ли получилось бы. Он уже был наслышан от Зарифа, как поступают в Пустынных Землях с людьми, которые не выполнили условий даже устно заключенного соглашения. И хотя, казалось бы, со стороны старика в случае отказа ничего не должно бы было угрожать,

но рисковать лишний раз Хэй не собирался. В конце концов, Мардуку не обязательно делать это своими руками. Да и в том, что он сумел бы справиться с этим чудным старичком, Хэй был в последнее время не уверен.

– Смотрю, осознал? – многозначительно поинтересовался старик. – Всю глубину... – он вдруг замаялся на секунду. – Как же это сказать?

Собравшись с мыслями, он все-таки выдал из себя:

– Понимаешь всю глубину глубин... Как-то так... Ну, короче, тебе надо быть покрепче, – раз споткнувшись в своей многомудрой речи Мардук, окончание предпочел скомкать, видимо, несколько упустив мысль, за кончик которой долгое время держался.

От подобного завершения так многозначительно начинавшегося монолога наставника Хэй настолько опешил, что непроизвольно скосил глаза на переносицу и вывалил набок язык, приняв вид абсолютно придурковатый. Только что слюну не пустил. Возможно, причиной такого финта послужила все та же жара.

– Короче, Хэй, готовь зерно на продажу. Сложи в мешки, в грузовик не клади. Просто поставь у амбара. Завтра отправимся в Карс. Сегодня можешь отдыхать.

Мардук направился в дом, а Хэй, пожав в задумчивости плечами, направился к амбару.

Солнце следующим утром догнало своим опаляющим зноем совершенно очумевшего от идей Мардука Хэя в дороге.

Еще когда рано утром старик потребовал, чтобы Хэй закинул мешки с зерном не в кузов грузовика, как это делали обычно, а положил на телегу, парень насторожился, поскольку «гужевого» скота на территории Мардукова подворья им пока замечено не было. И его худшие опасения, к несчастью для юноши, подтвердились.

И теперь, тяжело упираясь ногами в податливый песок и обливаясь потом, Хэй тащил телегу с мешками на себе. Старик размеренно шагал рядом. Продвигались они таким образом не шибко быстро. При этом Мардук о многом нравоучительно размышлял вслух, а Хэй, поначалу вяло отбрехивавшийся, решил до дальнейших указаний побереечь силы и теперь упорно молчал, впитывая любую новую информацию, которая поступала от наставника.

– Понимаешь, – обращался к нему Мардук, – ты, как уже тебе говорил, должен стать крепче, сильнее. Тебе, кстати, сколько лет, не вспомнил?

Хэй отрицательно помотал головой: говорить было для него слишком затруднительно – он берег дыхание и опасался без дела раскрывать и без того пересохший до невозможности рот. Была еще и нешуточная опасность закусить энным количеством песка – уже с полчаса навстречу дул пока слабый, но порывистый и уверенно набиравший силу ветер.

– Ладно, мой милый друг, это сейчас неважно. Так вот, чтобы окрепнуть, тебе требуются солидные нагрузки. Которые я тебе со своей стороны и обеспечиваю. Причем, заметь, я не требую от тебя выполнения каких-то бессмысленных действий. Я же не предлагаю тебе, скажем, таскать ведра с песком из одной точки местности в другую и высыпать, хотя такая возможность и была – я ее обдумывал. Мы выполняем необходимые в нашем нехитром хозяйстве действия, при этом получая двойную выгоду: и урожай зреет, и ты силенок набираешься.

Хэй возмущенно фыркнул и помотал головой, стряхивая капли пота, заливавшие глаза.

– Вижу, ты со мной согласен, – сказал Мардук и, не обращая более внимания на молчаливое возмущение Хэя, утопал вперед, показывая дорогу.

После обеда дела пошли получше: песок сменился растрескавшейся окаменевшей глиной, имевшей неопрятно-бурый цвет, и идти стало полегче.

Стены Карса Хэй увидел в багровых закатных лучах солнца. Мардук, хитро поглядывая на подопечного, поворчал по поводу медлительности Хэя. Тот от такой наглости полностью потерял дар речи и так вытаращил на старого шутника глаза, что появилась опасность того, что те полопаются.

Ночевать решили недалеко от города, внутрь не заходя. Платить за постоянный двор было решительно нечем, поскольку осторожный старик денег с собой принципиально не брал, опасаясь местного вора, а бартером хозяин гостинцы бы брать не стал. Ночевка на городских улицах была бы делом крайне неприятным: мусор и пищевые отходы зачастую вываливались горожанами и многочисленными гостями Базара прямо на улицах, что при ужасной жаре создавало в пределах городских стен непередаваемое амбре. Мусор убирали только тогда, когда терпеть становилось невозможно. Делали это добровольные уборщики, то есть объединившиеся в небольшие отряды городские торговцы, которым, естественно, за столь приятственное действие никто не платил. По этой причине особым рвением эти городские санитары не отличались.

Укладываясь на подстеленном покрывале, стараясь поудобнее уместить на земле уставшее тело, Хэй задумался внезапно о том, что с недавнего времени, его голова стала как-то лучше работать. Что, в первую очередь, было вызвано тем, что стал богаче его лексикон – он продолжал совершенствоваться в изучении местного наречия, а Мардук понемногу начал давать ему уроки интерлингвы, упомянув, что это ему понадобится для общения с людьми из Долин, буде такие попадутся на жизненном пути. И вот теперь Хэй мог значительно лучше и богаче не только описывать, но и воспринимать окружающий его мир. Раньше для многих своих ощущений Хэй просто не смог бы подобрать подходящих слов. Теперь же все значительно упростилось. Мир вокруг словно наполнился новыми красками.

Хотя, конечно, с теперешними нагрузками проще жить не становилось.

Парень хотел еще немного поговорить с Мардуком – усталость была столь сильной, что он никак не мог уснуть от переутомления. Но старик о чем-то размышлял, сидя у костра. Черты его лица в свете пляшущих языков огня заострились, стали жестче. Он стал чем-то напоминать хищную птицу, что высматривает с высоты одинокого путника, чтобы полакомиться. Хэю почему-то подумалось, что в эти минуты старик думает о чем-то неприятном, и решил его не беспокоить.

Он еще некоторое время ворочался, но вскоре все же сумел уснуть. С утра ждали новые заботы, и вряд ли день выдастся менее хлопотным и напряженным, чем этот, потому следовало накопить сил.

С делами поутру покончили довольно быстро. Мардук, к удивлению Хэя, решил несколько потратиться и прикупить кое-что: с десятков мешков муки, столько же сахара, вяленое мясо, овощи – припасы дома подходили к концу. Насчет фруктов можно было не беспокоиться – сад, который Хэй разбил по указанию Мардука, уже скоро должен был начать приносить первые плоды, да и в кладовых еще кое-что оставалось.

Хэй, прикидывая, что и назад ему тащить придется в этом случае ношу ничуть не легче, чем в этот конец, паниковал загодя, потому предложил сторговать у местных погонщиков какой-нибудь тягловый скот. К его удовольствию Мардук согласился.

Расслабившись от того, что снял со своих плеч обязательство тащить такую тяжесть в несусветную даль, да еще и по жаре, Хэй завел со стариком разговор:

– Послушай, Мардук, меня посетила одна мысль. А какой смысл покупать муку здесь, если можно соорудить мельницу и у нас.

– Разумное предложение, однако, чем ты предлагаешь приводить ее в движение? Рядом никаких рек нет, а тот небольшой ручеек, что есть у нас в оазисе не в счет – он слишком мал. Ты же знаешь, мы даже для питья и полива воду берем из-под земли с помощью помпы.

– Это я, разумеется, знаю. Но ведь мы же сейчас договорились, что купим какое-нибудь животное. Его же можно заставить вращать жернова. Как именно, можно придумать.

– Действительно, – Мардук задумался.

У погонщиков был приобретен еще довольно молодой и сильный гуар – толстоногий и степенный плоскомордый ящер – на таких в Пустынных Землях разъезжали обычно торговцы.

Животное было очень удобно использовать, чтобы тащить телеги и повозки. Его могучее тело было способно перемещать огромный вес, в несколько раз превышающий его собственный. И масса у этой зверушки, достигавшей до двух метров в холке, была немаленькой. Хорошо, что гуары отличались довольно миролюбивым и спокойным нравом, ибо в случае чего сдержать такую громаду было бы весьма затруднительно.

Когда они вышли за городские ворота, куда телегу с купленными припасами доставила рыночная прислуга, Мардук, несмотря на возраст, легко вскочил на спину гуару, которого до этого вел под уздцы, и неторопливо поехал вперед, оставив распахнувшего от удивления рот Хэя у ворот города. Тот даже не сумел ничего спросить или как-то остановить старика.

Отъехав метров двадцать от застывшего столбом парня, Мардук обернулся и спросил:

– И долго ты еще собираешься прохладиться? Я уже слишком стар, чтобы часто ночевать под открытым небом. Тут, как ты мог заметить, ночами довольно прохладно.

– А как же...

– Ну, – старик понял, что хотел уточнить молодой человек с полуслова, – я же не говорил тебе, что собираюсь каким-то образом облегчить тебе обратный путь. Потому гуар – для меня, я притомился в дороге, ноги уже не столь сильны. А с телегой ты и сам справишься.

Хэй едва не взвыл от обиды и разочарования, но спорить было поздно. Старикан явно взялся за него не на шутку.

Теперь рейсы в город стали более частыми: каждые выходные Хэй нагружал мешки зерном из амбара, грузил на телегу и, впрягшись в нее, направлялся в Карс, сопровождаемый Мардуком, ехавшим теперь верхом на неторопливом ящере, получившем имя Таб.

И это все при том, что вкалывать на поле он продолжал по-прежнему. К этому еще добавилась забота с садом и небольшим огородом, которые старик решил также разбить на своем участке, чтобы быть полностью автономным от Базара. Да еще строительство мельницы, которое Мардук, разумеется, поручил парню выполнять в гордом одиночестве.

Под ногами скрипел песок. Солнце палило кожу. Пот катился градом, собираясь солеными озерцами в самых неприятных местах. Но и в это можно было втянуться.

Уже и телега не казалась такой тяжелой. И путь был не столь уж далеким. И солнце не таким жарким. Пить хотелось не так уж сильно.

Хэй помнил, как тогда, вернувшись домой из Карса в качестве основной тягловой силы, заметил Зарифа, стоявшего с мотыгой у края поля и с удивлением смотрящего на возвращающегося Хэя. Потом Зариф объяснил, что удивило его столь сильно. Оказывается, он и представить не мог, что человек сможет тащить на своем горбу такую тяжесть.

Хэй тогда, зардевшись, как молодая девчонка, ответил, что вовсе и не на горбу, колеса у телеги значительно упростили процесс. Да и вообще выразил убежденность, что и Зариф способен на подобное.

В следующие выходные, загрузив телегу, они провели пробы. У Зарифа не вышло. У Хэя получилось – он снова отправился с Мардуком в Карс на Базар. И в тот раз путь дался уже легче, хотя груз, который он тащил в оба конца, был ничуть не меньшим.

С того момента мышцы парня стали значительно сильнее и больше. Очевидно, система тренировок по Мардуку приносила реальную пользу.

Только вот Хэй не мог пока еще уяснить, по каким таким причинам ему надо было наращивать столько мяса – не для работы в поле же. А Мардук не торопился с разъяснениями.

В один из очередных походов Хэй с Мардуком столкнулись с теми, кого до сих пор по невероятному везению умудрялись избегать.

Каннибалы, одетые в какие-то неопрятные лохмотья, по которым сложно было определить первоначальный вид одежды, которой они когда-то являлись, вышли им наперерез из-за

очередного бархана. Скорее всего, эти убийцы просто куда-то мигрировали в поисках пищи, потому что сами были несколько удивлены внезапной встречей. Однако теряться не стали.

Пять человек отделились от отряда. Эти выродки были вооружены самодельными дубинами, сработанными из костей. Какому из животных принадлежали эти кости, гадать не приходилось. В голове у Хэя пронеслись откуда-то почерпнутые знания о том, что бедренные кости в человеческом организме являются одними из наиболее прочных, и парень несколько приуныл.

Мардук же разглядывал приближавшихся дикарей совершенно спокойно. Хэй в тот момент ему мог лишь позавидовать: очевидно, старик свое уже пожил и прекрасно был об этом осведомлен, а потому не выказывал ни малейшего беспокойства ввиду приближавшейся размеренными шагами смерти. А вот Хэй, жизнь которого началась в осознаваемом варианте совсем недавно, чуть более полутора лет назад, нервничал довольно показательно. Что только забавляло каннибалов.

Пятеро мужчин шли неспешно, они видели, что как минимум одна жертва им сегодня обеспечена. Даже если старик и ускачет на гуаре, оставив на растерзание собственного раба – ну а кем еще мог быть этот запряженный в телегу парень, – то и ладно. Парень был довольно здоровым, его должно хватить на сегодня их небольшому племени.

Когда до молчаливо приближавшихся мужчин оставалось не больше двадцати метров, Мардук спрыгнул с Таба и негромко сказал стоявшему позади Хэю:

– Ты, наверное, хотел узнать, для чего все это время тебе пришлось так надрываться, для чего этот чокнутый старикан так над тобой измывается, заставляет таскать на себе такие тяжести и вкалывать с утра до вечера. Теперь смотри.

И старик сделал шаг навстречу пятерым.

Когда спустя пару минут он вернулся к оторопевшему Хэю, ни один из этой пятерки больше не представлял никакой угрозы, поскольку полученные ими травмы были с жизнью несовместимы: у кого-то голова была разможжена ударом собственной дубины, у другого обломки костей проткнули грудину – у Хэя не было никакого желания рассматривать это месиво.

Остатки племени, лишившись пятерых воинов, с места событий ретировались, предпочитая поискать добычу поговорчивее.

Мардук даже не запыхался:

– Вот, мой мальчик, подвернулся случай показать, чему в дальнейшем мне необходимо тебя обучить. Как бы ни сложилась в дальнейшем твоя судьба, думаю, подобные умения в нашем мире сумеют оказаться тебе полезными.

– Но откуда...

– Ну, Хэй, я же не всегда был старым фермером, живущим посреди пустыни в собственном оазисе. И даже далеко не всегда жил в Долинах на этой планете. Но к этому мы еще вернемся, когда придет время. А сейчас нам пора в путь. Надеюсь, что ты немного отдохнул, пока длилось это представление.

Дальнейший путь прошел спокойно. А через несколько недель старик начал обучать Хэя искусству Боя.

Мардук гонял Хэя нещадно, заставляя отрабатывать приемы до полного автоматизма, вбивая воинскую науку через синяки и ушибы. Частенько во время этих занятий Хэй летел на песок и ему казалось, что больше уже встать ему не удастся, но все же он, понукаемый учителем, вставал снова и снова.

Оказалось, что прежде, чем попасть на эту планету, Мардук служил в рядах космического спецназа Галактической Империи в должности инструктора. Планета эта, прозванная обитателями, Последним приютом, носила в реестре Галактической Империи гораздо более прозаическое название, а именно номер 45ч-12, и являлась колонией для особо опасных преступников,

предельно удаленной от любых звездных трасс Империи. Однажды он угробил собственными руками несколько человек, полезших на него в драку, среди которых оказался сынок кого-то из влиятельнейших лиц госаппарата. Потому суд был предельно кратким. И Мардук, тогда носивший несколько иное имя, оказался в этой дыре. А именно в Долинах, где и размещался, собственно, основной анклав обитателей этой «милой» планетки.

Пусть миновало время, когда на Последнем приюте царили условия, полностью соответствовавшие требованиям заключения, и жизнь эков стала более спокойной, но все относительно, и выживать в условиях Долин, где постоянные разборки разнообразных банд превращали города в некое подобие миниполигонов, тоже было не очень просто.

В один прекрасный день бывший спецназовец плюнул на все и, оставив позади небольшую каморку, предоставленную ему Империей за все былые заслуги, жестко расписанный быт, насаждаемый администрацией планеты-колонии, и больше не желая следовать ничьим приказам, будь то высокопоставленное имперское командование или главари банд, перевалил через хребет Альмага и оказался в Пустынных Землях. Здесь, по сравнению с прежними условиями была настоящая вольница. Правда, и здесь требовалось немало хладнокровия, чтобы как-то устроиться и оставаться в живых в течение длительного времени. А Мардук провел на планете довольно много лет.

За это время жители Долин успели окончательно поцапаться с администрацией, так что всему аппарату исполнения наказаний на планете стало делать совершенно нечего, если только у них не было извращенного желания покончить с собой в особо изуверской форме. И вскоре заключенные на планете оказались предоставлены сами себе. Установили собственное подобие власти в городах, как они это понимали. Разборок, естественно, от этого меньше не стало.

Чиновники Империи, посоветовавшись, решили, что тратить силы и средства на то, чтобы подавить бунт на 454-12, и просто махнули рукой. Содержание планеты и так влетало в круглую сумму, гонять военный флот в столь удаленный конец космоса – удовольствие ниже среднего. Да и куда эти самоуправцы денутся с планеты, на которой не осталось ни одного способного к передвижению космического корабля, который сумеет выдержать межпланетный перелет требуемой длительности.

И эков оставили в покое.

В результате, все остались довольны: и высокие чины, и сами заключенные, оказавшиеся теперь в ранге свободных граждан.

Старик не мог сказать, что там творится, в Долинах, сейчас. Он не испытывал интереса к этому, а потому не спрашивал торговцев, которые покупали у него зерно, чтобы потом, после особой переработки, получить из него сырье для наркотиков. Именно поэтому не всякое зерно подходило им. Именно поэтому продукция Мардука пользовалась устойчивым спросом.

Мардук жил, постепенно свыкнувшись с мыслью, что покинуть эти края ему уже никогда не удастся, ведь прошло уже больше сотни лет с того момента, как он оказался в Пустынных Землях, и почти девяносто с момента прекращения транспортного сообщения с другими владениями Галактической Империи.

И вот теперь заново почувствовавший знакомый по прежней работе азарт Мардук обучал Хэя тому, чему когда-то учил имперских десантников, а также ребят из более специфических армейских подразделений. Конечно, программы обучения для тех же десантников и, скажем, разведки, значительно отличались, но для Хэя Мардук решил исключить какую-либо разницу. И потому спектр приемов, которыми овладевал с его помощью юный ученик, был предельно широким. Различные стили ведения рукопашного боя, программы выживания в различных условиях, способы обнаружения возможных угроз, психологическая подготовка, оружейная подготовка, от холодного оружия до огнестрельного (по этому поводу даже приобретались у торговцев различные виды имевшегося в наличии вооружения), тактика, стратегия,

языки, культура и история Галактической Империи, а также ее вероятных противников – Мардук знал многое. И заставлял этому учиться Хэя.

Хотя Мардук и не был уверен, что большинство из этих знаний пригодятся парню, но хотел, чтобы юноша был всесторонне развитым – делать из него бездумную машину для убийства он смысла не видел, поскольку командовать тут над таким «изделием» было особо некому.

А тот впитывал как губка. И ему нравилось учиться.

Правда, поначалу случались и весьма забавные ситуации. В частности, начальные познания молодого человека были крайне ограниченными. А что делать, ведь с того момента, как попал сюда, парень видел только Пустынные Земли, а потому то, что узнавал от своего наставника воспринимал с некоторым недоверием. Мардук даже представить не мог, что послужило причиной столь непонятной амнезии у Хэя.

Парень, несмотря на свои немалые способности к обучению мог судить о мире, только основываясь на своем новом личном опыте, опыте, который был приобретен в течение последних пары лет. Все до момента, когда он пришел в себя в подземелье Торга, было абсолютно недоступным. В ту область памяти Хэй не имел ни малейшего доступа. Поэтому, многие вещи приходилось объяснять ему с самых основ.

Полнейшая беспомощность молодого человека в вопросах, касающихся элементарных познаний в области истории и общественного устройства миров Галактической Империи вызывали некоторую озадаченность у Мардука. Но, разумно решил, что сильно углубляться в дебри исторических наук, технического прогресса и религии смысла не имеет. Если парень когда-нибудь вспомнит, что с ним случилось до момента его попадания на Последний приют, то, возможно, вспомнит и эти простые вещи – благо, их преподают в начальных классах общеобразовательной школы. Если же подобного озарения не случится, то и нечего парнишке засорять голову тем, что произошло в такие давние времена, что и не все современные ученые-историки уделяют им значительное внимание. В конце концов, с момента Исхода прошло уже более тридцати тысяч лет, а уж, что было в той пыльной древности до этого порогового эпизода развития цивилизации, покрыто прямо-таки непроглядным мраком.

Занимаясь с Хэем, Мардук вновь ощущал себя сильным, умным инструктором, каким был когда-то. И он мог со всей ответственностью заявить, что прежде ему еще не попадались столь усердные ученики. То нежелание, с которым парень начинал даваемые ему наставником упражнения, постепенно стало сменяться откровенным любопытством. Мальчишка просто и представить себе не мог, очевидно, что его собственный организм способен на такое.

Старик, обретя такого старательного подопечного, учить которого предстояло ему совершенно независимо от разработанных умами из генштабовских расчетных лабораторий программ подготовки, давал Хэю все, что умел сам. И был в восторге от тех темпов, с которыми парень усваивает материал. Будь то теория или же практические занятия.

Мардук понимал, что в сложившихся условиях специалист экстра-класса, который со временем, безусловно, мог бы выйти из Хэя, востребован не будет. Но, во-первых, бывший инструктор уже решил, что передаст все свои знания так внезапно свалившемуся ему на голову наследнику, которого уже воспринимал, как собственного сына (особенно, учитывая тот факт, что в самом начале парень мало чем отличался от новорожденного и был совершенно беспомощен). А во-вторых, эти навыки и умения могли значительно упростить парню жизнь на Последнем приюте, особенно учитывая царившие здесь нравы.

Прошел практически год с момента, как Хэй начал обучаться у Мардука всерьез. Он по-прежнему совершал пешие прогулки по выходным до Карса. Только теперь груз в телеге стал значительно больше. А время на дорогу сильно сократилось, поскольку все расстояние Хэй преодолевал без единой передышки. И бегом.

Раньше он и представить себе не мог, что его собственное тело способно выносить такие невероятные нагрузки. Он не знал, что и сам Мардук несколько удивлен практически неограниченными ресурсами организма юного ученика. Да и не слишком, очевидно, заинтересовался бы этим моментом, если узнал.

Парня полностью поглощала новая жизнь. Все, о чем рассказывал ему старый инструктор, все, чему обучал, было для Хэя крайне интересным. Обучение позволило ему забыть о собственной неполноценности, о том, что не имеет ни малейшего представления о том, кто он и откуда. Эти вопросы, которые мучали его три года назад, на время оставили его в покое. Ему просто не хватало времени на то, чтобы терзаться бесполезными размышлениями. Он прекрасно понимал, что впустую ломать голову – значит, никаких результатов не достичь. Поэтому он предпочитал использовать голову для других целей. И не только для крушения кирпичей и досок.

В Карсе уже успели привыкнуть к тому, что парень стал появляться в одиночку, уже не сопровождаемый Мардуком. Некоторые решили, что такую возможность грех упускать и следует пощипать молокососа, который хоть и широк в плечах, но лицом совсем юн. Однако эти деятели были вынуждены признать собственное решение излишне поспешным, не сказать и вовсе ошибочным, когда с трудом убрались после стычки с этим самым «молокососом». В тот раз семеро здоровенных мужиков, преградивших дорогу Хэю, когда он возвращался домой, в мгновение ока оказались распластанными на земле, не в силах больше не то что подняться, а пошевелить хоть пальцем. Больше попыток со стороны предприимчивых обитателей подворотен не было.

Были у Хэя стычки и с каннибалами. И с Охотниками, рыскавшими в ближайших окрестностях на предмет поиска новой партии живого товара. Обо всех таких случаях Хэй рассказывал Мардуку. Тот и хвалил и корил его одновременно. Постоянно напоминал, что лучший бой – тот, который не состоялся. Говорил, что Хэю надо больше внимания уделять тому, как заставить человека опасаться тебя, уважать, выполнять твои требования, не прибегая к физической силе. Поскольку на любой меч может отыскаться достойный щит. Ведь Хэю на его жизненном пути встретятся люди сильнее него, с которыми не справиться кулаками, но которых можно одолеть умом.

Однако Мардук признавал, что договориться по-хорошему с некоторыми индивидами положительно невозможно. Взять тех же каннибалов. Они же никакого языка не понимают – только дубиной промеж ушей.

Хэю начинала нравиться его новая жизнь. Все его устраивало, и он решил, что не имеет смысла стремиться к тому, чтобы вернуть себе воспоминания, тем более что они не обязательно окажутся приятными.

По залитой лунным светом черной равнине шел мальчик. Его ноги тонули в белом ковре тумана, который едва покрывал его щиколотки. Туман был невероятно густым, и казалось, что мальчику тяжело ступать по этому мареву. Белесые полосы словно цеплялись за его ноги, стремясь замедлить движение. Но мальчик продолжал идти. Он не знал, куда ведет то направление, которое было им выбрано. Он не знал, зачем вообще переставляет непослушные ноги, вновь и вновь погружая ступни в бледный ковер, мертвенным холодом хватавший за них.

Но он шел. Потому что остановка означала смерть. Потому что разлитый вокруг туман только казался безжизненным. Мальчик знал, что стоит остановиться и туман тут же ловко вскарабкается по его ногам. Сначала обнимет колени, потом устремится дальше вверх, поглощая тело, не позволяя больше пошевелиться.

Поэтому надо было идти. Шагать вперед по бесконечной долине, погруженной в туман и залитой белым светом яркого лунного диска, в полную силу искрившегося на небосводе.

Полуденное солнце ярко сияло над головой, когда Хэй преодолел примерно три четверти пути до Карса. В эти выходные он не изменил сложившейся за последний год традиции. Он бежал по раскаленной сковороде пустыни, таща за собой телегу с товаром. С каждым разом путь удавалось преодолевать все быстрее.

Он еще помнил, как впервые отправился со стариком в город на рынок пешком. Им тогда потребовалось практически двое суток, чтобы совершить путь в оба конца. Теперь он укладывался за то время, что солнце светило в небе.

Мышцы работали в полную силу, но Хэй не чувствовал напряжения. Тренированное тело привыкло к постоянно возрастающим нагрузкам и пощадить больше уже не просило, как было прежде. Парень думал об отстраненных вещах, а не о том, как бы поскорее добраться до Карса и дать отдохнуть измученным ногам. Он уже давно взял на вооружение этот метод по совету Мардука: думать во время бега о чем угодно, только не о расстоянии.

Вот, допустим, сейчас Хэй прогонял в уме вчерашние уроки, строя в уме фразы на интерлингве, галактическом, лийском, а также вспоминая факты истории колонизации центральной части материнской галактики Империей после Исхода, как называлось время, когда человечеству пришлось покинуть материнскую планету, которой грозило скорое разрушение. В принципе, его довольно сильно занимали исторические события. Все, что рассказывал ему наставник, казалось молодому парню просто невероятным. Он просто не мог себе вообразить, сколь огромен на самом деле мир.

Прежде, когда он только начал служить Мардуку, мир для него представлялся крайне ограниченным, основанным на примитивных религиозных верованиях туземцев, составлявших большинство работников Мардука, да еще по рассказам Зарифа, который сам, откровенно признаться, ни разу не бывал дальше предгорий. Именно в этом маленьком мире и собирался прожить Хэй. И вот перед ним открывался совершенно неведомый ранее простор. И хотя парень прекрасно понимал, что выбраться с Последнего приюта после прекращения транспортного сообщения с обитаемыми мирами представляется задачей невыполнимой, но все же его юной душе хотелось покинуть эту планету, чтобы побывать на других мирах Галактической Империи, посмотреть на ее жителей. И возможно, что-то о себе вспомнить. Крохотная надежда все еще теплилась в глубине его существа.

И еще его занимали мысли о собственных сновидениях. Странные сны уже довольно долго не мучили Хэя. И вот прошлой ночью он снова увидел мальчика и бесконечную равнину, залитую лунным сиянием.

Что это могло значить?

Помимо всего прочего Мардук научил Хэя распределять приоритеты. И если ответить на задания Мардука парень мог, то решить проблему с собственными снами – вряд ли. Поэтому благоразумнее всего было отложить это до более располагающего к столь пространным размышлениям случая.

Но все же мысли эти иногда пробивались через размеренный ход его мыслей. И тогда вновь приходилось притапливать их, не давая высунуться в полный рост. Потому что тогда станет невозможным. И придется искать ответы на вопросы, ответа не предполагающие.

Как тогда старик сказал про эти сновидения? Непознанные игры разума. Кажется, что-то в этом роде.

Где-то далеко позади раздался невнятный гул. Хэю показалось, что земля под ногами начала подрагивать, резонируя. Он хотел остановиться, но передумал и продолжил бег. Тем более что гул внезапно затих. Что вполне могло быть просто шумом крови в ушах – все-таки он неслся по раскаленной пустыне под палящим солнцем, таща за собой тяжело нагруженную телегу.

Внезапно гул зародился вновь. Он был все еще позади, но теперь сместился немного вправо. И как будто стал ближе.

Через несколько секунд гул превратился в раскатистый рев. В небе на мгновение потемнело, словно гигантская тень накрыла пустыню. Хэй не успел даже сообразить, что происходит. Он остановился и теперь в растерянности глядел по сторонам, пытаясь найти объяснения происходящему. Но небо снова было чистым, и шум стал едва различимым. Теперь он был впереди, прямо по курсу следования Хэя.

Парень пришел к выводу, что, что бы ни пронеслось только что над его головой, это устремилось к Карсу. И значит, там он сможет получить все необходимые ответы. И он снова тронулся в путь.

Земля вдруг вздрогнула и в то же мгновение ушла из-под ног. Хэй рухнул, успев сгруппироваться и прокатившись несколько метров по продолжавшей идти волнами земле. Так бывало, если уронить камень в колодец. С той только разницей, что это была не вода.

Выплюнув попавший в рот песок, парень приподнялся на руках и осмотрелся. Земля еще подрагивала, но больше столь сильных толчков не было.

Хэй с опаской поднялся на ноги. Он был удивлен и растерян. Мардук рассказывал ему о землетрясениях и о том, как следует себя вести в таких случаях. Но старик ничего не упоминал о том, что в Пустынных Землях бывает что-либо подобное. Последний приют вообще был планетой с крайне низкой тектонической активностью. Даже в горах ни разу не трясло с той поры, как Мардук оказался на поверхности планеты.

И вдруг тряхнуло! И где! Посреди пустыни.

Червячок нехорошего предчувствия зародился где-то внутри Хэя и принялся старательно точить своего хозяина. Парню показалось, что произошло что-то непоправимое.

Столб дыма он увидел немногим позже того, как почувствовал запах гари в воздухе. Что могло означать только одно – что-то произошло в Карсе.

И Хэй поспешил в город.

Взобравшись на бархан, юноша в оцепенении замер. Картина, представшая перед его взором, была ужасной.

Города больше не существовало. Хэй не имел представления, как выглядят большие города Долин или, тем более, мегаполисы других планет. Его представления основывались только на словах Мардука. Он знал одно: по меркам Пустынных Земель Карс был крупным населенным пунктом, занимавшим площадь в пару десятков квадратных километров с населением в семь тысяч жителей.

Теперь на месте поселения остался только огромный кратер с оплавленными краями, из которого все еще тянулся в безоблачное небо столб черного удушливого дыма. Хэй поперхнулся от запаха гари, разлитого в знойном воздухе. Насколько он мог судить, подобное мог сотворить только орбитальный залп – это первое, что пришло ему в голову. По крайней мере, из всего вооружения подходящей разрушительной силы, о котором рассказывал ему Мардук, подходило именно это: оружие подобной мощности могло базироваться на орбитальных платформах или военных кораблях классом не ниже линкора.

Но что тогда за громадная тень пронеслась над пустыней?

Вокруг потемнело, и Хэй задрал голову, пытаясь понять, что именно заслонило солнечный свет. Солнце по-прежнему сияло в небесах, но теперь его свет словно преодолевал какую-то непонятную преграду, сильно снижавшую его яркость. По крайней мере, дым не мог послужить причиной этому, хотя бы потому, что его сносило ветром в другую сторону. Возможно, ему просто показалось, да и дым изрядно разъедал глаза.

Было абсолютно ясно одно: случилось нечто неординарное. И теперь Хэю было лучше всего в срочном порядке вернуться домой и обо всем расспросить Мардука. Вполне возможно, что у того есть какое-то объяснение произошедшему.

Впервые за долгое время Хэй не на шутку пожалел, что под рукой нет старого рыдвана, на котором прежде они возили зерно в Карс – с ним бы он сумел добраться до дома значительно быстрее, чем бегом.

Пока Хэй возвращался, он еще неоднократно слышал загадочный гул, шедший, казалось, из-под земли. Этот шум то приближался, то ослабевал, звучал с разных сторон.

Хэй предположил, что это вполне может оказаться какое-нибудь летательное средство. Что объясняло ту огромную тень, которая пронеслась над ним по пути в город. Но не объясняло, почему Карс был уничтожен.

Солнце еще стояло высоко в небе, когда Хэй, таща за собой телегу, которую не решился оставить, вернулся к оазису. Еще за несколько сот метров он почувствовал, что что-то произошло: на поле не было ни одного человека, никто не ходил между постройками, которые, тем не менее, были абсолютно целыми и стояли на своих местах.

Наверное, Мардук тоже заподозрил неладное и велел всем укрыться. Такое объяснение ненадолго успокоило Хэя. Но чем ближе он подходил к дому, тем сильнее ощущал в груди беспокойство.

Оставив телегу за одним из барханов, Хэй, стараясь перемещаться как можно незаметнее, чему учил его старик, обошел оазис со всех сторон. К сожалению, никаких признаков чьего-либо присутствия ему обнаружить не удалось.

Или никого в оазисе нет. Или все где-то попрятались. Но это сильно походило на засаду. О таком старый инструктор рассказывал своему ученику; хотя тому, с подобным, естественно, прежде сталкиваться не доводилось, теорию он запомнил хорошо.

По-прежнему скрываясь за песчаными наносами, парень медленно приближался к строениям, которые, оставшись без обитателей, выглядели совсем заброшенными.

Холодок пробежал у Хэя между лопатками. Ему хотелось вскочить и бегом ринуться ко двору, но он, пересиливая себя, продолжал скрытно приближаться, со всей тщательностью изучая окрестности на предмет возможной опасности. Все внутри него было напряженно. Хэй был готов в любой момент оказать сопротивление тому, кто решился бы напасть на него. Хватило бы только сил и его куцевого опыта.

В конце концов, парень убедился, что никто не караулит его во дворе. Но вставать в полный рост все еще не решался. Ведь вполне его мог караулить снайпер на вершине какого-нибудь отдаленного бархана.

В эти минуты Хэй остро жалел, что Мардук начал обучать его. Ведь раньше ему бы и в голову не пришла большая часть из тех мыслей, которыми сейчас он сам себя запугивал. В прежние времена он просто подошел бы к дому и позвал Зарифа, Карину или еще кого-нибудь.

И, возможно, оказался бы замечательной мишенью, одернул себя Хэй. И сохраняя осторожность и предельную бдительность, продолжил изучать оазис, медленно шагая вокруг строений.

Не обнаружив никаких признаков враждебного присутствия, Хэй стал заглядывать внутрь зданий.

Дом ответил полным молчанием. Ни в покоях Мардука, ни на кухне, где обычно хозяйничала Карина, ни в одной из комнат не было никого. Хэй старался обнаружить признаки борьбы. Либо ему не хватало опыта, поскольку попрактиковаться в изучении места преступления у Хэя возможности не было, только теоретические знания, данные Мардуком. Либо он просто усугублял собственный испуг, и ничего страшного в действительности не происходило.

Ага, как же! Все, значит, растворились.

Хэй разозлился на себя и принялся обыскивать все постройки. Бараки, где жили слуги, лачуга Зарифа, его собственная – все оказались пустыми.

Амбар – самое большое здание на подворье – был заперт. Здоровенный замок на двухметровых воротах преграждал доступ внутрь. Хэй прислушался: ему показалось, будто разли-

чил какое-то шевеление внутри. Создавалось впечатление, словно кто-то изнутри скребется в стену.

Хэй постучал в ворота и крикнул. Затем прислушался в ожидании хоть какого-то ответа. Изнутри отчетливо раздался стон. В амбаре был кто-то живой. И надо было скорее разобраться с запором.

Хэй огляделся в поисках чего-нибудь подходящего для уничтожения преграды. На глаза попался металлический прут, лежавший у колодезного люка. С его помощью иногда приходилось пробивать особо сложные заторы в водопроводных трубах.

Протиснув железяку в дужку замка, Хэй напрягся. С удивительной легкостью, скрипнув, металлическая скобка отделилась от дерева. Путь был свободен.

Внутри царил полумрак, с трудом разгоняемый проникавшими в узкие окна солнечными лучами. Хэй постоял на пороге, давая глазам привыкнуть. На полу в беспорядке валялись какие-то темные мешки. Раньше их тут не было, подумал Хэй.

В нос ударил странный, смутно знакомый запах. Парень не сразу сообразил, что это. И вдруг замер, пораженный до самой глубины души – он вспомнил: такой же запах стоял на окруженной высокой стеной площадке Торга, когда работорговцы начали уничтожать низкосортный товар, на который не нашлось спроса. Если бы не Мардук, то Хэя, скорее всего, уже не было бы на этом свете.

Воздух в амбаре был пропитан кровью. А под ногами Хэя бесформенными горами тряпья лежали люди, с которыми он прожил практически три года. Сдерживая подступившую к горлу дурноту, Хэй принялся переворачивать тела, стараясь отыскать кого-нибудь живого – он ведь слышал чей-то стон снаружи. Он старался прогнать мысли о том, что это могло быть последнее дыхание умирающего человека.

Люди были убиты не из огнестрельного или энергетического оружия. Они были хладнокровно зарублены, словно какие-то животные. Те, кто это сотворил, не пощадили никого – даже детей. Трупик недавно родившихся у Зема и Ло малышом он обнаружил у стены. Родители, видимо, пытались защитить своих детей, но убийцы были безжалостны. От Зема и его жены остались лишь сильно изрубленные останки, под которыми он и нашел детей.

Посредине валялась туша гуара. Он тоже не был нужен нападавшим.

Кто мог такое совершить? А главное зачем?

Больше всего походило на нападение каннибалов. Но с какой стати им было бросать столько мяса? Да и не было в округе крупных групп этих ублюдков – большими стаями они не могли охотиться, потому что быстро начинались междоусобные склоки.

Нет, это определенно были не они. Кто-то хладнокровно загнал беззащитных людей в амбар и устроил жестокую резню. Возможно, что это были те же люди, что уничтожили Карс и его жителей. Хотя нет, ты не прав, Хэй. Это были нелюди.

Хэй озлобленно сплюнул и глухо выругался. Сказать, что это ему не нравилось, значит, ничего не сказать. Он был растерян, напуган и, что хуже всего, совершенно не представлял, что предпринять дальше.

Тело Зарифа Хэй обнаружил у противоположной от входа стены. Его широкая грудь была перерублена наискось, и Хэю показалось, что среди крошева костей и уже застывшей крови он разглядел сердце. Широко распахнутые глаза старшего друга, с которым так мало общались в последние месяцы, удивленно смотрели в никуда. Хэя горько вздохнул и закрыл мертвому глаза – уж больно страшно было смотреть вот так в глаза мертвеца.

Осмотревшись, Хэй пересчитал трупы. Здесь были все, кто жил в оазисе вместе с ним. Живых не было. Как не было и Мардука.

В груди Хэя всполошенно зачастило сердце. Значит, оставалась надежда. Старый солдат мог спастись. Ведь он так много знал и умел.

Внезапно до слуха Хэя донесся очередной стон. Парень осмотрелся. Он не мог сообразить, откуда раздаются эти звуки. Или это просто игра его отчаявшегося воображения, попытка убедить себя, что тут есть еще кто-то живой?

Внезапная догадка сорвала Хэя с места и бросила к небольшой дверце, о которой он совсем забыл от всего этого ужаса. За ней скрывался спуск в обширный подвал, расположенный под зданием амбара. Обычно он использовался для хранения овощей и фруктов – там было довольно прохладно, чтобы продукты не портились от испепеляющего жара пустыни.

Дверь поддавалась с трудом. Скосив взгляд, Хэй понял причину – верхняя петля была отломана. Кто-то так дернул дверцу, что выдернул крепление с корнем.

В подвале горел свет. Неровные отблески пламени плясали на стенах, отбрасывая уродливые тени, приобретающие все более пугающий вид по мере того, как Хэй спускался вниз по лестнице. Из подвала тянуло сыростью. На стенах поблескивала в отсветах огня столь неуместная в пустыне плесень.

Парень замер на последней ступени, затаив дыхание и старательно прислушиваясь. В подвале, там, за углом, кто-то был – Хэй слышал хриплое дыхание. Кто бы это мог оказаться? Друг? Враг?

Хотя откуда тут взяться друзьям, если все, кого Хэй знал в этом мире, лежали наверху. Может быть, там...

– Хэй... – донеслось до него сиплое дыхание. Его кто-то старательно звал по имени. – Хэй... Хэй...

Даже искаженным парень узнал голос своего наставника. Он решительно шагнул внутрь и замер в ужасе.

Помещение было залито кровью. Словно она проникала через пол амбара и стекала сюда, хотя это было невозможным – слишком толстым был отгораживающий подвал от верха слой земли. На противоположной стене висел с заведенными за голову руками Мардук.

Все его тело было окровавлено, больше напоминая одну большую рану. Старика явно пытали. Чем ближе подходил Хэй к наставнику, тем более ужасающие детали открывались его взору.

На ногах старика частично отсутствовала кожа. Ее снимали долго, неторопливо, доставляя Мардуку невероятные страдания. Грудь его и живот были растерзаны и сизые внутренности вывалились на пол. Глаза у старого наставника отсутствовали.

Но он был все еще жив. И звал Хэя.

– Я здесь, Мардук, – срывающимся голосом произнес Хэй, с трудом удерживая вдруг возникший в груди и устремившийся к горлу ком. В глазах его зашипало, и картинка начала расплываться. Хэю стоило большого труда сдержать рыдания.

– Ты вернулся, мальчик мой, – синие губы раздвинулись в улыбке, которая на изуродованном лице смотрелась пугающе. – Хорошо...

Мардук закашлялся. Из его рта на пол упали темные сгустки крови.

– Я так рад, что ты вернулся, – снова прохрипел Мардук. – Рад, что ты жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.